

**СЕРГЕЙ
Зверев**

**Аномальная
зона**

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

БАСТИОН

Бастион

Сергей Зверев

Аномальная зона

«Научная книга»

2011

Зверев С. И.

Аномальная зона / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2011 — (Бастион)

Где-то в сибирской глуши, за цепью непреодолимых гор и непролазных болот, силами авантюристов и дезертиров создано «государство в государстве» – республика Каратай. Попасты сюда относительно просто – но выбратыся практически невозможно. В этой зоне случайно оказывается следователь военной прокуратуры Михаил Луговой. После долгих мытарств он обжился здесь и даже нашел работу по специальности. Но никогда Луговой не оставлял надежду сбежать на волю. Вырватыся за пределы республики стало еще труднее после того, как Михаил узнал, на чем основано мифическое благополучие Каратая...

© Зверев С. И., 2011

© Научная книга, 2011

Сергей Зверев

Аномальная зона

Свет, я вижу свет!

А. Розенбаум

Пуля отколола щепу от косяка, и желудок отреагировал давящей болью. Я прижался к проеденному тлей кругляку и машинально хлопнул по карману – не потерял ли лекарство. «Аптекарь» Цзюн так расхваливал свое снадобье из подножных материалов – просто хит продаж: пара таблеток, и прощай, несварение. Но выдал почему-то целый флакон. Да еще и бормотал при этом, кланяясь, как болванчик, – заходи, мол, почаще, глупый русский человек. Желательно один и без оружия. Проблем с желудком меньше не стало; к последним добавились одышка, изжога и навязчивая мысль, что всех этих горе-целителей пора развешивать у дорог, ведущих в места компактного проживания выходцев из Поднебесной...

Вторая пуля поразила тот же косяк, но пониже. Запела «недостреленная» щепка. Упражнялись изнутри. Странные люди: зачем стрелять в дверной проем, если в нем никого нет, да еще и попадать при этом исключительно в косяк?

– Прекращайте, господа! – крикнул я. – Пожалейте наши нервы!

– Выходите! – поддакнул из-за сосны Шафранов. – Отделаетесь легкими звездюлями! – И подмигнул, делая вид, что ни капли не волнуется.

Суровый лес стоял повсюду. Все в этом квадрате было суровое – обросшие мохом сильные, высокие деревья, ершистый сухостой, земля, засыпанная жухлой хвоей, сучьями, буреломом. Даже дорога, проходящая в семидесяти метрах за деревьями, по качеству покрытия мало отличалась от суровой фронтовой. Передвигаться бесшумно по такому лесу – задача абсурдная. Мы и прокололись, когда окружали «стилизованную» под муравейник землянку, в которую пролезли фигуранты дела. Трещали так, что нас слышали. Теперь, вместо того чтобы взять их тепленькими на выходе, придется брать внутри, а это такая морока...

– Что делать будем, Михаил Андреевич? – делая страшные глаза, прошептал из-под коряги молодой Топорков.

– Смоделируем ситуацию? – подмигнул Шафранов. Может, это просто тик?

– Штурмовать, – буркнул из канавы Хижняк, – только штурмовать. Ждать, пока они сами проголодаются? Хрен дождемся, а мы вот точно от голода взвоем. Лично я уже вою. Вскочил ни свет ни заря, только и успел маслица на сухарик намазать...

– Холестеринчик? – подмигнул Шафранов. – Друг сердца и сосудов?

– А я кофе на брюки пролил, – вспомнил Топорков. – Спешил, суетился... Отличный бодрящий эффект, между прочим.

– Везет тебе, – позавидовал Хижняк. – А я еще и спать хочу – полночи, блин, ворочался.

– Не пойду я первым, – отказался от почетной роли Шафранов. – У меня жена на материке. Топорков пусть топает – как человек одинокий, с не испорченной в загсе репутацией... Да и обстреляться ему не мешает.

– А чего сразу я? – возмутился Топорков. – Чуть что, так молодой, необстрелянный...

Чувство юмора на службе в Каратае не давало свихнуться окончательно. Но временами праздная болтовня подчиненных так доканывала...

– Помолчите хоть минуту, – попросил я. – Шафранов, Топорков, расползтись по периметру. Хижняк, держи дверь. Да соберитесь, мужики, будет вам и жрачка, и сон.

– Главное, чтобы не гроб на молнии, – крикнул Шафранов и куда-то покотился, напевая про «землянку нашу в три наката».

Главная примета в моей загубленной жизни – не следовать никаким приметам. Оттого и живой, что следую только разуму и иногда интуиции. В землянке было тихо. Что-то не так.

Фигуранты затаились, ждали штурма, берегли патроны. А еще прекрасно знали, что у нас приказ взять их живыми. Поэтому гранатами забрасывать не станем, стрелять на поражение – тоже. Но что-то определенно шло не так. Я стащил с головы форменную «конфедератку», помахал ею в проеме. Землянка помалкивала. Сгруппировался и перемахнул через проем к другому косяку – трудно было меня не заметить. Снова ноль реакции. Выдержку проявляли? Вроде не должны, публика задерганная. А биться будут до последнего – знают, что после пристрастной беседы с костоломами Благомора их гарантированно пошлют на виселицу, как злостных заговорщиков. И не таких посылали.

– Помочь? – предложил свои услуги Хижняк, с удобством расположившийся по диагонали от входа.

Я отмахнулся. Взял на изготовку изделие Стечкина и нырнул в проем – правым плечом вперед, перекачаться, ударить по конечностям... Отсутствие сопротивления несколько обескуражило. Здесь вообще никого не было! Я ударился о земляной пол, сменил координаты и приземлился на колено, страшая стволом пустое пространство. В землянке было тихо, ни мебели толком, ни живых существ. Земляные стены заросли плесенью, стелился гнилостный дух. От когда-то крепкой лежанки осталась кучка разложившейся древесины. Имелась печка – ржавый короб и гнутое колено упертого в потолок дымохода. И провал у дальней стены. Я осторожно приблизился, включил фонарь. Осветил осыпающиеся ступени, прорубленные в глине. Подвал в землянке? Как интересно... Снова кувырок – с попутным выключением фонаря и быстрым перемещением во мраке. Никто не стрелял! Даже беспокойно как-то...

Глаза привыкали к темноте. В тусклом свете, поступающем сверху, проявлялся простенок из догнивающих досок, рядом еще один, узкий проход. Гулкая тишина – разрази меня гром, если рядом была хоть одна живая душа! Я полз на корточках, закусив фонарь. Проход змеился, мерк свет. Низкий проем, а за ним что-то вроде помещения. Мысленно окрестив его «накопителем», я стал готовиться к прыжку. Лучше перестраховаться – интуиция подсказывала, что за стеной никого нет. Странная, однако, конструкция. Чего только не встретишь в этих лесах! Заброшенных землянок тоже хватает. Но с разветвленной системой подземных ходов... Впрочем, можно объяснить. Положим, несколько десятилетий назад, пока их не вытеснили на север Каратая, в этой местности проживали старообрядцы-бегуны. А у раскольников по «уставу» положено сооружать жилье таким образом, чтобы покинуть его можно было несколькими способами. Вера такая – не сражаться с Антихристом до последнего вздоха, не умирать в неравном бою, а шустро смазывать пятки при первом же его появлении. Придет Антихрист, постучится в дверь, а сектанты – в подземный лаз, выберутся где-нибудь в лесу – и ходу. А Антихрист в досаде кусает локти...

Подъем-переворот, яркий свет по глазам невероятного противника... Как мило. Нас в комнате трое, но двое не дышат. Помещение представляло кособокый земляной параллелепипед, исполосованный трещинами. Двое покойников в живописных позах – оскаленные, явно рады меня видеть. Утепленные куртки защитного цвета, потертые кирзачи; небритые, нестриженные. А вот теперь самое время удивляться... Я перевернул одно из тел носком ботинка, осветил второго. Кто бы сомневался – именно их мы и выслеживали. Калашкин и Гульштерн. Участие данных почтенных господ в заговоре годичной давности против действующего в Каратае режима было установлено – без подтасовок и гаданий на кофейной гуще. Первый трудился на авиабазе в Журавлином – руководил диспетчерской службой. У второго должность была повыше – начальник службы безопасности у некоего Моргача – хозяина Лягушечьей долины. «Сюзерена» подвесили на сосне в тот же день, когда личный резерв Благомора – лихие вояки бывшего командира украинского «Беркута» Тихомирова – отбил у мятежников резиденцию в Тарбулы и восстановил «законный» порядок. Гульштерн пустился в бега. Имелось мнение, что он не выжил в тайге или сделал ноги из Каратая. Каково же было удивление, когда информа-

торы намекнули, где его можно найти. Этот тип, приближенный к руководству заговорщиков, владел бесценными сведениями!

Я застонал от отчаяния. Оба убиты из огнестрельного оружия. Оба в спину. У Калашкина разбит позвоночник, у Гульштерна рана на уровне сердца и в хлам разнесен затылок. Я, конечно, не исключал, что самоубийцам ничто не мешало выстрелить себе в спины (а потом и в затылок – после того как сердце биться перестало), но рассматривать эту версию как-то не хотелось. Не было у них глушителей. Была обычная 12-миллиметровая «беретта», которую Гульштерн сжимал в коченеющей конечности. Глушитель принес тот, с кем они должны были встретиться, но не встретились, поскольку он решил их по-быстрому убить и смотаться...

Лаз в стене не производил впечатления надежного средства доставки в уединенный таежный уголок. Я приблизился к нему по стеночке, осветил обвалившиеся края. Дверца наполовину сгнила, но стальные петли держались. Дверь была открыта. Я глянул внутрь. Убийца удалился: чего ему тут сидеть? Застрелить неприметного руководителя отдела оперативного вмешательства в структуре грозного Корпуса охраны? На кой я ему сдался... Узкий проход, там пройти можно, только согнувшись и сжав плечи. Бегуны богатырями не были, их такой формат устраивал. Прогнившие распорки, глубокие трещины в потолке и стенах, невкусный запах... Я несколько промешкал, чего не стыжусь. Приступы клаустрофобии случаются с каждым. Двинулся вперед, попутно осмысливая обстоятельства. У беглых заговорщиков была назначена встреча в землянке – в глухом лесу у деревни Цаплино. В селе мы их и зафиксировали за час до рассвета – они покинули избушку, в которой ночевали, шагали по дороге. Коллеги бесились, почему не берем? А на меня вдруг дурь напала. Ведь фигуранты явно направлялись к кому-то на встречу. Почему бы не убить еще одного «зайца»? А «заяц», видно, обнаружил, что за фигурантами осуществляется наблюдение, и предпочел их убить, чтобы самому не спалиться. Или изначально имелась такая задумка – ликвидировать информированных неудачников, от которых пользы никакой, а вреда – очень много...

Я запнулся о неровность в полу, выронил фонарик. Машинально нагнулся за ним и задел плесневелую укосину, подпирающую одновременно несколько досок в потолке. Слепой черт! Распорка просто рухнула, переломившись. Страшный треск, посыпались доски. Одна свалилась мне на голову – хорошо, что голова была в кепке. Я попятился, резонно полагая, что это только начало. И точно – земля посыпалась тонкой струйкой, потом несколькими тонкими струйками, потом все стало рушиться, ломаться, складываться... Но меня уже там не было. Перебирая конечностями, как собака, зарывающая свои фекалии, я пятился к выходу. Рановато еще на свалку истории... А за мной лавиной катилась земля, рушились спрессованные глыбы. Я вывалился из отверстия, отдавив ногу кому-то покойнику. На этом светопреставление и завершилось. Обрушение оказалось локальным. Заскрежетала дверца, выпадая из петель. Я зажмурился (и зачем, в полной-то темноте?) – от меня уже мало зависело. Настала тишина – хрупкая, вопросительная. Только пыль стояла столбом. Стараясь не дышать, не чихать, не кашлять, я дополз до выхода. Потери минимальные – один фонарь и чувство собственного достоинства...

Не чувствуя лица, я выбрался на поверхность. В лесу ничего не менялось.

– Вас ничто не смущает? – зарычал я.

– Землетрясение, что ли? – осведомился из-за дерева Хижняк.

– Михаил Андреевич, ты что там, природу преобразовываешь? – прокричал из леса

Шафранов.

Я рычал, как зверь, поднимая этих бездельников. Почему я должен за всех отдуваться?

– Вы где должны быть?! – орал я. – По вашей милости ушел убийца! А ну, подъем, достали оружие, прочесывать лес!

Минут пятнадцать мы бегали кругами вокруг землянки, вытапывая тайгу. Расширили радиус, но так и не нашли точку пересечения двух «миров». Очевидно, она была хорошо замас-

кирована. Но я еще не отошел от стресса. Ну, нашли бы мы этот лаз – и что? Можно подумать, там осталась записка с подробным объяснением, кто убил, зачем убил, и рецептурой народного средства для оживления покойников...

– Искать! – рычал я.

– Мы что тебе, собаки? – обижался, воюя с буреломом, Шафранов. – Добавил, блин, веселого идиотизма... Неужели непонятно, что все это пустое?

Славик Топорков прокричал из оврага, что нашел грибы. Растут, как опята, дружными семейками, но, судя по тому, что не сезон, это, скорее всего, не опята. Разве бывают они в начале лета? Хижняк провалился в лисиную нору и выражался вполне конкретно – он, видите ли, ботинки новые получил на складе, а теперь их осталось только выбросить. Что он будет объяснять жадному каптеру Скородеду? Тот же каждую пару как от сердца отрывает!

– Ладно, – проворчал я, – закончили утреннюю разминку. Всем к землянке. Вызываем труповоз и эксперта.

– Все? – обрадовался Шафранов. – Можно расслабиться?

Мы сбредались, пропотевшие, к землянке. «Землетрясение» имело локальный характер: просела земля в том месте, где произошел обвал. Возможность добраться до покойников сохранялась. А то доказывай потом, что они там точно были и это не ты их убил. Идиотизма в следственных структурах Каратая не меньше, чем во всей правоохранительной системе России. Имелся даже аналог «особого отдела». Сидели надутые службисты, не имеющие опыта ни боевой, ни оперативной работы, и требовали от тебя, чтобы ты доказал им свою непричастность к семейству верблюдов...

Подчиненные садились на землю, доставали сигареты. Я стащил с себя куртку, обстучал об дерево. Дурная процедура – пыль из подземелья смешалась с потом и не желала вытряхиваться.

– Испачкался, командир? – пошутил Шафранов.

Я послал его куда положено, связался по коммуникатору с базой и описал некрасивую ситуацию. Обещали подъехать.

Нехорошо мне было этим утром. Предчувствия подкрадывались. Каждый день в течение последнего года ко мне подкрадывались предчувствия, но сегодня они даже не прятались. Виновен во всем случившемся был только я. Подвела интуиция. В итоге фиаско. Коллеги деликатно помалкивали – им не надо объяснять, на кого посыплются шишки. Напрасно я орал на них, нормальные ребята. Год назад я был уверен, что вся масса народа, обслуживающая бесчеловечный режим в Каратае, – сплошь и рядом отморозки. На деле все было сложнее. Каратай сломал немало судеб, кому-то облегчил жизнь, для кого-то стал райским подарком. Одни – от безысходности, другие – от желания заработать, третьи – по духу авантюристы...

Я подбирал себе команду восемь месяцев назад – присматривался к людям, оценивал их качества. Крепыш Хижняк шестнадцать лет проработал в криминальной милиции сибирского городка. Дослужился до заместителя начальника райотдела. Я наводил о нем справки (кто сказал, что, сидя в Каратае, нельзя получить информацию с «материка?»). Рекомендации положительные, работал чуть больше прочих, взятки брал чуть меньше. Подчиненными не прикрывался, участвовал в операциях по задержанию опасных преступников.

Сгубил товарища, как водится, прекрасный пол. История проста, как штыковая лопата. Отмена командировки в последний момент, радостное возвращение домой, безрадостная находка в кладовке – какой-то голый мужик. Субъект, из которого он самозабвенно выколачивал душу, оказался заместителем директора местного градообразующего предприятия и близкой родней тамошнего мэра. В больнице выяснилось, что пара сломанных ребер, порванные ушные хрящи и разбитая носовая перегородка – это только начало скорбного списка. Пострадавший выжил, уголовное дело не завели, но из милиции пришлось уйти. Бросил все – жену, квартиру, дочь шестнадцати лет, перебрался в глухой райцентр, стал отстраивать сгорев-

ший дом, возделывать огородик. Встреча с говорливым малым – прирожденным психологом. Тот, естественно, оказался вербовщиком. Ненавидел Хижняк эту страну, ненавидел населяющих ее людей. Не сказать, что полностью поверил «зазывале», но решил рискнуть. В Каратае популярно объяснили – либо трудишься, не задавая вопросов, по прежней специальности (не начальством, разумеется), либо добро пожаловать за колючку – работы в концлагере много. Когда я встретил его восемь месяцев назад, это был угрюмый социопат и ксенофоб. Нынче прошлое отпустило, и единственная в жизни женщина мерещиться стала меньше...

– Что-то бледный ты, Славик, – посочувствовал Шафранов. – Отдышаться не можешь.

Топорков действительно не мог отдышаться. Расстегнулся до пупа, обмахивался отворотами куртки. Раскраснелся, физиономия лоснилась от пота.

– Загоняли вы меня, – объяснил он, отдуваясь. – У вас же не выпросишь освобождение от физкультуры...

Топоркову в апреле исполнилось двадцать пять. Просто оторопь берет – до чего причудливы изгибы судеб. Выпускник школы милиции, разряд по боксу, секция самбо, полтора года в Каратае... и пацан пацаном. Не взрослеют некоторые. Отправили зеленого мальчишку после выпуска участковым в мой излюбленный Марьяновский район. Отработал месяц, и тут напелтал ему один из местных алкашей, что пойдет через Быстровку на север партия стрелкового оружия: мол, слышал разговор на берегу двух неизвестных. Топорков не поверил: куда на север можно слать оружие? Каратай под боком, но кто о нем знает? Решил, однако, проверить. С ОМОНОм в сельской местности в наше время туговато. Мобилизовал двух местных искателей приключений – и в путь. Контрабандное оружие действительно перевозилось. Но убедился он в этом лишь после того, как неизвестные в ночи спровадили к праотцам добровольных помощников и самого чуть не кокнули. Жить хотелось невыносимо. Он бежал, прятался в бурьяне за околицей. А когда его догнали, двоим переломал челюсти, а третьего жердиной от плетня избавил от сутулости (и от необходимости принимать вертикальное положение). «Одаренный» паренек кого-то заинтересовал, его не убили, хотя желающих было достаточно. Очнулся он в бараке и был поставлен перед нехитрым выбором – либо трудиться за жалованье, либо без. Потрясение выбило из головы весь юношеский идеализм, что и определило дальнейшую судьбу Топоркова. Караульное подразделение в долине Падающей Воды, охрана тамошнего феодала, мелкая должность в отделе обеспечения операций Корпуса охраны...

Шафранов никогда не работал в милиции, и этим гордился. Кадровый военный с неиспорченным интеллектом и чувством юмора. Отслужил десять лет в составе горной бригады на Кавказе и решил сменить амплуа. Уволился из армии, уехал с семьей в Красноярский край, где нашел непыльную работенку инструктором по альпинистскому спорту, открыл с женой магазин спортивного инвентаря. Идиллия продолжалась, пока на горизонте не возник некий «кровник» из Дагестана – родственник убиенного под Махачкалой «мирного селянина». Трогательную встречу Шафранов не прошляпил – отправил визитера вдогонку за первым в привлекательный мусульманский рай. При этом возникли два спорных момента: а) убийства Уголовным кодексом РФ не поощряются, и сидеть пришлось бы даже за «кровника»; и б) «мирные селяне» на Кавказе никогда не переведутся, и теперь начнут выстраиваться в очередь к его двери. Пришлось спасаться бегством. Семью – в Игарку (чем севернее, тем лучше), сам – на восток, меняя последние деньги на фальшивые документы. Он свято верил, что такое состояние продлится не больше года, а потом – возвращение к семье и продолжение нормальной жизни. Записался на буровую, но тут случилась непредумышленная пьянка, повлекшая за собой переселение в другой мир (о подробностях переселения Шафранов никогда не рассказывал). Подбирать обученный контингент власти Каратая научились качественно. Классный специалист в урочище не пропадет, а моральные принципы и угрызения какой-то там совести уже на третий месяц уносятся ветром...

– Не повезло нам сегодня, командир, – сочувственно вымолвил Шафранов. – Да сделай ты лицо попроще. Смотришь, как паук на муху...

– Облажались, – вздохнул я.

– Будем учиться на ошибках, – оптимистично заявил Топорков и завял под моим взглядом.

– Взгреют нас, как пить дать взгреют, – заворочался Хижняк. – Дело верное было, и вдруг такой курьез... в смысле, конфуз. Идеи есть, Михаил?

– Они на встречу с кем-то шли, – проворчал я. – Непонятно, почему в землянке, а не в лесу – можно подумать, в лесу им места мало... Полагаю, их приятель предчувствовал, что за Гульштерном и Калашкиным потянется «хвост».

– Или знал, что потянется, – хмыкнул Шафранов.

– Или знал, – согласился я. – Рассчитал, что мы не будем их брать, пока не проявится третий. Засек, что мы тусуемся у землянки, спокойно спустился в лаз, положил своих коллег и спокойно вылез. А я, как слон в посудной лавке...

– Он изначально на «мокрое» шел, – проворчал Хижняк. – Какого хрена бы тогда с глушителем?

– Ага, – согласился Топорков. – А раз с глушителем явился, значит, знал, что мы тут будем. Посудите сами, Михаил Андреевич. Вот, скажем, у них назначена встреча. Приходят те двое, а тут и третий – с пушкой. Бери да клади без всякого глушителя – лес кругом, кто услышит? Так нет, заранее запаса этой штуковиной...

– Способный ты малый, Топорков, – усмехнулся Хижняк, и было непонятно, то ли глумится, то ли хвалит.

– И что из этого следует? – спросил Шафранов.

Из этого следовало то, о чем говорить не стоило. Я гнал от себя неудобные мысли. Золотое жизненное правило – бороться с неприятностями по мере их поступления, а никак не раньше.

– Разберемся, – крикнул я, поднимаясь, чтобы размять ноги – Ждем парней на колесах, возвращаемся на базу, докладываем, огребаем, а там посмотрим. Кажется, едут... – Я приложил ладонь к уху.

Сквозь звуки леса прорывалось характерное дребезжание мотора. «Буханку» нашего водителя Алибабова можно услышать в любую погоду и практически с любого расстояния.

– Лично я туда не полезу, – выразил общее настроение Шафранов. – Им надо, пусть сами извлекают свои трупы. Завалит еще на фиг. У нас же не восемь жизней, как у Коровича...

Неприятный холодок пополз по спине при упоминании этого имени. И все насторожились. Шафранов застыл с открытым ртом, вопросительно глянул на меня: дескать, ничего, что помянул? Кашлянул Хижняк, посмотрел зачем-то на часы. Озадаченно почесал слипшуюся макушку Топорков. Самое время вспомнить про нашего пятого товарища...

* * *

Я забыл упомянуть, что в нашей группе есть еще и пятый. Корович Николай Федорович, о живучести которого ходят по Каратаю легенды. Один из немногих уцелевших в ходе прошлогоднего «железного похода» от северных болот Каратая до относительно цивилизованных центральных районов. Неоднократно у Коровича была возможность сыграть в ящик, и каждый раз он ею пренебрегал. Четыре месяца назад в него в упор стрелял из пулемета беглый молодчик из комендантской сотни Шалахов по кличке Шагающий Экскаватор (крыша сдвинулась у парня – такой большой, и такой хрупкой оказалась душевная организация) – ни разу не попал. Сценка чисто по Тарантино. Корович потом неделю икал. В позапрошлом месяце его чуть медведь не поел. По словам Коровича – натурально сумасшедший. Выскочил из кустов, такой быстроно-

гий и чем-то разъяренный... Отделался Николай Федорович рубцами на спине, испорченной одеждой и тем же недельным иканьем. Шафранов пошучивал: дескать, медведь на охоте царапал Коровичу спину и помадой испачкал рубашку. А в прошлом месяце во время облавы на некоего Мартиросова (был у Благомора доверенный приближенный, да впал в немилость; его впоследствии повесили в одном из подвалов Корпуса охраны) Николай Федорович у всех на глазах сверзился с двадцатиметрового обрыва в мелководную горную речку. Глубина там, в принципе, по щиколотку. А вот там, где он упал, было, по-видимому, единственное глубокое место. Народ уже устал над ним подшучивать...

– Минуточку, – сморщил лоб Шафранов. – Восстановим события суточной давности. Вчера, когда день уже закончился, а вечер еще не начался, ты, командир, отправил Николая Федоровича на кудыкину гору воровать помидоры...

– Кудыкина гора называется деревней Переведино, – пояснил я. – От Мерзлого Ключа второй по счету населенный пункт, если следовать на восток. Три версты и маленький крюк. Поступила информация, что один из тамошних пейзажистов по имени Мухло видел людей с приметами Калашкина и Гульштерна, которые вели беседу с неопознанными пришельцами на джипах у мостовой переправы через Ярмал...

– Мухло – это имя или погоняло? – не понял Топорков.

– А тебе какая разница?! – рявкнул Хижняк.

– Вид у пришельцев был несколько... вооруженный, поэтому пейзажист остался в кустах. А потом рассказал старосте, да еще ткнул в пару «настенных» физиономий под грифом «Wanted» – больно уж, дескать, похожи. Пока этот староста тянул резину, пока нашел телегу до Мерзлого Ключа, заправил сеном лошадь... в общем, сутки прочь. Но я отправил туда на всякий случай Коровича – чтобы допросил обоих.

– Уже не актуально, – отмахнулся Шафранов. – Мы лучше других знаем, где находятся Калашкин и Гульштерн. Вот только... – голос его дрогнул, – к вопросу восстановления событий, командир. Это было в районе шести часов, так? Корович укатил в Переведино на машине, мы отправились спать, ночью ты нас поднял, потом вся эта колготня, от которой у нас начисто отшибло память... Скоро десять утра. Где Корович, командир?

Вот черт... Как же мы забыли про боевого товарища! Я звонил ему под утро, он не брал. Ладно, решил я тогда, справимся вчетвером. Вытащил из нагрудного кармана коммуникатор, отдаленно напоминающий сотовый телефон (корпус стальной, заодно и от пули в сердце защитит), отстучал Коровича. Всем сотрудникам местных служб – если требовала служебная необходимость – выдавали эти плоские, но довольно увесистые штуки без особых изысков. В них не было ни времени, ни музыки, ни диктофона, ни прочих развлечений, свойственных мобильникам. Только связь. В телефонах имелось подобие sim-карты. А по Каратаю были разбросаны полтора десятка вышек, обеспечивающих терпимые прием и передачу. Связь закольцована исключительно на внутренних «потребителях», в Россию с аппарата не позвонить. В памяти до трех десятков номеров, возможна голосовая почта, громкая связь...

Корович не отзывался.

– Подождите, – спохватился Топорков и выхватил, как шашку, свой коммуникатор, – давайте я позвоню.

– А что изменится-то? – проворчал Хижняк.

– Вашу мать... – исторг я в пространство сложную вербальную загогулину. – За мной, бойцы! По прямой, если память не врет, здесь верст шесть...

* * *

Взорам пассажиров труповозки, пытающейся протиснуться между деревьями, предстала странная картина. Группа Лугового неслась к дороге – словно за ними разверзалась всепожи-

рающая огненная геенна. Что-то крикнул обрюзгший Мерзляев – бывшее светило Военно-медицинской академии, специалист по разделке мертвой плоти. Высунулся из кабины Алибабов – вроде русский, откуда такая фамилия? Я что-то прокричал на тему «щи в котле, каравай на столе» и почему в землянку нужно спускаться только на цыпочках.

– А вы куда? – крикнул кто-то из прибывших.

– На футбол! – отшутился Шафранов.

До машины, спрятанной за холмом, – потрепанного, но надежного, как Аэрофлот, «RAV-4» – было метров двести. Мы миновали их за считанные секунды. И как мы почувствовали одно и то же – сам погибай, а товарища выручай? Окрестности нашей базы в местечке под названием Мерзлый Ключ мы знали с закрытыми глазами. Шафранов прыгнул за руль и рванул с места, практически не дожидаясь, пока мы рассядемся. Ухабистая грунтовка через полтора километра влилась в накатанную дорогу, связывающую Мерзлый Ключ с долиной Черного Камня. Через базу мы не поехали – лишний крюк. У деревеньки с названием Чахлое, вполне оправдывающей свое название, мы свернули влево, на проселок. За окном мелькали дубравы со столетними ветвистыми исполинами, опушки, изрытые дикими свиньями. Проехали узкую долину, обставленную невысокими сопками, и втянулись в замшелый черный бор. Дорога петляла между деревьями; мы подпрыгивали на корнях, плетущихся как попало, и костерили Шафранова, который мог бы иногда и притормаживать. За бором зазеленел смешанный лес из березы и осинника. Шафранов резко затормозил – до Переведино оставалось не больше версты. Матерясь, охваченные недобрим предчувствием, мы покинули машину и бросились к застрявшему посреди проезжей части «уазик», крытому заштопанным брезентом. На этой машине Корович вчера уехал в Переведино. Водительская дверь была закрыта, но не заперта. В салоне никого. В замке зажигания торчал ключ. Пока коллеги рыскали по ближайшим кустам и водостоку, я попытался завести машину. «УАЗ» не заводился. Поломка оказалась щадящей – сел аккумулятор. Нырнул, должно быть, в колдобину, заглох, а завестись уже не смог. Ох этот русский авось! Леня тебе обслуживать аккумулятор – добудь новый, брось в багажник. Не на горбу же таскать.

– Нет его нигде! – крикнул Шафранов. – Командир, нас уже ломает все утро по кустам шараться!

– Аккумулятор убит, – отозвался я.

– Ну, понятно, – проворчал Хижняк. – Машине трндец, пошел пешком.

– И где он? – развел руками Топорков. – Переведино рядом, а до базы в обратную сторону он и ногами за час мог доскакать.

Ох, нехорошо это было... Мы загрузились в машину, объехали заглохший «уазик» и припустили в деревню. Один поворот, другой... Промчались овраг за околицей, из которого выглядывали «убогие дома», или «божедомы», – загородки из кольев и досок. По традиции в таких оврагах хоронили самоубийц и прочих «заложных покойников», умерших неестественной смертью...

В Переведино было дворов сорок. Деревня хрюкала, кукарекала, смердела навозом. Покосившиеся избы, собаки бросались под колеса (тупые, не понимали, что власть пожаловала); коровы, подгоняемые кнутом пастуха, торопливо освобождали проезд. По меркам Каратая, деревня образцово-показательная – здесь имелся функционирующий колодец, а на личных участках граждан среди бурьяна и крапивы просматривались кое-где цветочки. Староста – кудлатый мухомор в кожаной жилетке на голое брюхо – долго не мог воткнуть, зачем причмались столь важные люди. Вроде приезжала «сбормашина» на той неделе – выгребли, супостаты, все соленья, что остались с прошлого урожая, всю рыбу вяленую, мясо копченое, мед липовый, а Федьке Аршанцеву еще и по сусалам настучали – за не проявление должной прыти и отсутствие чутких слов в общении с благодетелями. Мы объяснили старику, что, в сущности, не голодные («Неужели?» – озадачился Хижняк), и стали объяснять все заново. Не было

никого, развел руками староста, вот истинный крест на пузе – не было. Ни пеших, ни конных, ни на транспорте. Уж ему ли об этом не знать?

Староста был испуган, но не врал. Мы схватили его за шкурку и приказали вести к «сосельчанину» по имени Мухло (или все же погоняло? – страдал в непонимании Топорков). Означенный господин чуть лоб не разбил, доказывая свою непричастность. Божился, крестился, призывал в свидетели всю Божью Троицу. Выволок из подполья бутылку самогона, умолял принять в качестве замасливания (грешки, стало быть, имелись). Никакого, мол, похмелья, продукт тройной перегонки, пальчики оближешь, а если у кого-то наутро после принятия будет болеть голова, то пусть придет и лично пристрелит производителя. Потом я понял, почему он так себя вел. Видок у нас был адский – ворвались четверо всклокоченных, рассупоненных, грубо наезжают – у любого очко заиграет. Самогон мы, разумеется, приняли, обернули в промасленную ветошь, упаковали в багажник. Дают – бери. С ним и трудиться веселее. Крестьянин что-то бормотал, порывался донести до нас информацию, которая с некоторых пор не имела ценности. Этот тип перестал нас интересовать. Потеря времени. Он тоже не врал. Корович бросил заглохшую машину, но до деревни не добрался...

В порядочной панике мы бросились обратно на дорогу. Каратай – такое местечко, где всякое бывает. И не всегда оружие спасет. И Корович не вечен – как бы ни щадила его смерть. Мы доехали до «уазика», развернулись, покатали обратно. Разделились – двое пешком налево, двое направо...

Я наткнулся на Коровича, когда обследовал кусты вдоль опушки. До деревни рукой подать – клеверный лужок, и вон она, околица. Кудахтали куры, радовались жизни малые детишки, гавкала собака – было слышно, как мечется она у конуры, бренча цепью. Он брел по лесу параллельно опушке, бледный, как десять привидений. Ноги у Коровича подгибались, он хватался за каждое дерево, вырастающее на пути, повисал на нем, брел дальше. Я бросился к товарищу:

– Горе ты наше луковое, Николай Федорович, что за хрень с тобой приключилась?

Он обратил ко мне трясущуюся физиономию, застонал, как в момент сурового мужского оргазма, и повис на мне, словно ватная (но довольно увесистая) кукла.

– Спасибо, Михаил Андреевич, что не оставил в беде... Где же ты был так долго?..

Я опустил его на землю, он сел, обхватил голову. Потом поднял на меня трепетный взор. Сразу видно – устал человек до полного изнеможения.

– Не могу больше, Михаил Андреевич, изнемогаю от этой жизни...

– А ты в суд обратись, – посоветовал я. – Верните, дескать, мне мои потраченные годы... Давай без лирики, Николай Федорович. Ты чего тут бродишь как неприкаянный?

– Заблудился я...

– С ума сошел? – возмутился я. – Посмотри сюда! – Ткнул носом на опушку, до которой было метров двадцать. – Это что? Не деревня? Глаза не видят? Дите малое – заблудился в трех шагах от деревни?

– Да знаю я... Глаза-то как раз видят... Все понимаю, Михаил Андреевич, а выйти к людям не могу... Я с ногами сегодня не ладен, они сами, я сам, мы никак договориться с ними не можем... Ты бы не пришел – я бы тут и сгинул, у меня уже сил никаких не осталось...

Без колдовства, понятное дело, не обошлось. Я быстро обзвонил своих – нашлась, дескать, потеряшка. Сбежались радостные коллеги, трясли Коровича, хлопали по плечу, тупо шутили, что единственная психбольница в Каратае открыта в любое время суток (правда, в ней не лечат, а только диагнозы ставят). Попутно выяснились страшные обстоятельства. Коровича опять угораздило вляпаться. Он ехал на машине в Переведино, никого не трогал, решительно намереваясь выполнить свой служебный долг. Машина села в яму, двигатель заглох. Аккумулятор разрядился – уж на это его познаний в технике хватило. Вдруг, откуда ни возьмись, объявился мужик – нормальный такой мужик, с хорошо подвешенным русским языком. Одет, как

обеспеченный крестьянин, физиономия радушная. Сунул нос в раскрытый капот и подтвердил диагноз: «Батарея, с-сука, накрылась...» Ладно, отправились дальше вместе – до Переведино оставалось версты полторы. Попутчик именно туда и направлялся. Представился тамошним жителем, обрадовал – дескать, в сарае старый аккумулятор из «зилка» завалился; делай, мол, свои дела, а потом на телеге до твоей колымаги довезем, установим. Разговорились. Попутчик оказался болтливым. Трещал как сорока – Корович не успевал следить за полетом его мысли. И о погоде, и о видах на урожай. Приковал к себе внимание, обезоружил. «А чего мы тут петлями ходим? – говорит. – Давай-ка через лес. Напрямую к Переведино и выйдем». А Корович и не против. Потопали в чашу. Уж «русский дух» чувствовался, деревенские крыши мелькали за деревьями... Да, видно, не судьба. Попутчик смеялся, проникновенно глядел ему в глаза, и вдруг голос его стал куда-то отъезжать, звучал, словно при замедленном воспроизведении, и сам он сделался размытым. Качнулось сознание, но вскоре вернулось, и обнаружил Николай Федорович, что он в лесу один, попутчик пропал, а вместе с ним – оружие и коммуникатор. И чувствует он себя довольно плохо. Кляня свою доверчивость, Корович зашагал к деревне, но не тут-то было. Ноги развернулись и потопали обратно. Он попытался повернуть, но не вышло. Хотел остановиться, и вновь не удалось... В общем, дальше более-менее понятно. Брел Николай Федорович по радиусу вдоль деревни, пересек дорогу и вновь погрузился в чашу. Временами падал, переводил дыхание, вставал, двигался дальше. Всю ночь он мотал круги вокруг Переведино. В голове уже полная муть, ноги ватные, жить не хочется. А выйти из круга – никак. Уж он и волю в кулак сжимал – бесполезно. Ноги жили отдельно взятой жизнью. Даже помереть чисто по-человечески – и то проблема. Только ляжет, отдышится – тут же труба зовет в дорогу, и так до бесконечности. Не спал, не ел...

– Леший над тобой поглумился, Николай Федорович, – на полном серьезе сказал Хижняк. – Осторожнее надо. Это же тебе не проспект в большом городе.

– Еще и вороватый какой-то леший, – хмыкнул Шафранов. – Вот объясните мне, отставшему от жизни, на хрена лешему табельный «стечкин» и коммуникатор? С кикиморой своей созваниваться? Мол, дорогая, я сегодня поздно...

– Ага, и люди в форме ему чем-то насолили, – встрепенулся Топорков. – Какая жестокость! А не приди мы сюда – так и сгинул бы человек в безвременье и черной дыре! Тебе еще повезло, Николай Федорович, что на «дикиньких мужичков» не нарвался. Бывали случаи – бродят твари по лесу, перекликаются в глухую полночь, а потом как нападут, будут щекотать со страшным хохотом – и не угомонятся, пока до смерти не защекочут...

Мы взвалили поклажу на плечи сильному Хижняку и, пока тащились к машине, травили страшилки о местной нежити и ее жертвах. Каратай в этом плане – местечко «обустроенное». Мистический туман накрывает половину урочища. Из тумана, как у Стивена Кинга, выплывает отвратительная нежить. Колдовство в порядке вещей, а мифические персонажи могут принимать самые неожиданные очертания. Половина этих баек, разумеется, суеверия и фольклор, но спорить о том, что Каратай ничем не отличается от любого другого региона, – первый признак сумасшествия. Большая аномальная дыра между Якутией и Иркутской областью – с удивительно мягким климатом и бездонными залежами полезных ископаемых; здесь даже зимой творятся удивительные вещи. А что уж говорить о весне, когда распускаются листочки и проявляются первые признаки психического обострения... Так и тянет обвеситься талисманами, испить магические снадобья и побежать к старушке, чтобы провела обряд с ногтями, волосами и зубами...

Топорков, захлебываясь, повествовал, как в бытность рядовым охранной сотни, по ходу прочесывания леса, он с сослуживцами напоролся на ведьмин лагерь. Их вел бывалый местный следопыт. Поздним вечером дело было. Устали, потянулись, как мотыльки, на огонек. Четыре страшные карги вокруг костра всполошились, когда, брэнча оружием, парни вышли на поляну. «Терки» у старух какие-то были. Солдаты тоже растерялись. Закружилось все, завьюжило,

завертелась поляна в безумном водовороте. Какие-то совы стали носиться, летучие мыши... Следопыт орал, что все должны стоять, не шевелиться – мол, повьюжит и перестанет. Но куда там! Самые непутевые открыли огонь. Носились люди, тени, пламя костра взмывало до небес. Топорков бросился бежать, зарылся в валежник. А когда все стихло, обнаружили, что ведьмы сгнули, костер потух, двое солдат мертвы (свои же и постреляли), а третий висит, переброшенный через ветку дерева, и кровь из горла льется, как из крана...

– Как поэтично, – оценил Шафранов и выдал не менее эффектную историю, случившуюся с ним еще до прихода в наш отдел.

Привел он в общежитие проститутку... а дамы данного поведения в Каратае, к слову, не редкость, их завозят с «большой земли» – ведь должен «младший обслуживающий персонал» как-то жить. Многие сходят с ума, пытаются бежать, не приживаются, но есть и такие, которых все устраивает. Шатаются по казармам, по офицерским общежитиям, по питейным и закусочным заведениям для отдыхающей публики. Живут где попало – кто по деревням у местных, кто в специальных женских общагах. Трудно разобраться подчас, кто перед тобой – уроженка Каратая, решившая подзаработать (а дензнаки, кстати, один в один российские и пользуются популярностью), путана или кто-то еще... Познакомился он, короче, с отменной шлюхой – невысокая, черноволосая, пламя в глазах. Привел в общежитие (а сосед уехал по делам на пару дней), провели они отличный вечер. Ночью просыпается, кровать пуста – пропала шлюшка. Он туда-сюда, дверь закрыта изнутри – сам же и запер на ключ, чтобы не лезли посторонние, – ключ на гвоздике, форточка приоткрыта, постукивает, создавая «эффект ужаса». Бросился к форточке, охваченный страхом, а отверстие маленькое, только птица и вылетит. В голове мистическая жуть. Еще раз осмотрел комнату – точно никого. Захлопнул форточку; остаток ночи нервно курил, унимая колотун. Залег в кровать, забылся. Утром просыпается, а шлюшка рядом, льнет к нему! Как спалось, милый? От страха челюсть свело. Хамить не стал, быстренько вытолкал, ссылаясь на работу. А после обнаружил, что форточка открыта и несколько вороньих перьев на подоконнике. А во дворе общаги прошедшей ночью зверски убили двух других проституток: возвращались от клиентов, до дороги не дошли, как подверглись нападению. У обеих глаза выклеваны и горла разорваны в клочья...

– Впечатляет, – проворчал Хижняк. – Обидели чем-то шлюхи твою ведьмочку. Если не врешь, конечно, – и лаконично изложил свою печальную историю.

Уже и не припомнит, по какой служебной надобности занесло его полгода назад в район Поганных Зыбунов. Не верил он в мистическую чушь. Шел по лесу – глядь, мужик с бородой на пеньке сидит. Морда лепешкой, борода лопатой и вся белая. Так и тянет из нее волосок вырвать и чего-нибудь заказать. А настроение было так себе, и ляпнул какую-то хрень: дескать, чего тут, старый пень, расселся? Развелось, понимаешь, бродяг... Обернулся – и как из ушата окатили! Сплющило всего, грудь сдавило, кости затрещали. Продохнуть невозможно, пошевелиться никак, панический страх затряс поджилки. А старичок, сидящий на пеньке, вдруг как-то невзначай расплылся, и – надо же какой спецэффект! – глазом не успел моргнуть, как по воздуху пронесся и оказался рядом. Рассматривал, не проронив ни слова. «Прости, – хрипел Хижняк, – погорячился... Настроение не в жилу, да и воспитание рабоче-крестьянское...» Захотел старичок раскатистым демоническим смехом и попросту растворился в темнеющем воздухе. Хижняк свалился под свои же ноги (именно такое ощущение было). Лежал и думал: а вот не попроси он у товарища прощения, и что тогда? Неделю после этого кости болели, аритмия мучила, а в ушах звенела колокольная Пасха...

Только я не стал откровенничать. Мы погрузили Коровича на заднее сиденье, завелись и покатали в Мерзлый Ключ – получать люлей от начальства. Закрыв глаза, я вспоминал о своих «паранормальных» контактах. Их тоже было у меня много. Дикие злые духи (почему-то ни разу не сталкивался с добрыми и домашними), причудливые персонажи из гоголевского «Вия», намеки на связь урочища с параллельными измерениями... Последний случай – встреча

с лешим в Лазоревой Пади. Удивительное по красоте место, где из скал на поверхность просачиваются вкрапления минералов цвета морской волны, и при игре их на солнце возникает неповторимый оптический эффект. Но дело было ночью – без всякого солнца. Я отстал по уважительной причине от обоза, идущего из Грозовой долины в долину Черного Камня, догнал его пешком, вот и решил срезать по пади. Места считались неопасными, дорогу я знал. Но сильно устал в тот вечер. Связался по радиации с обозом; те сказали, что встали на ночлег и я могу не спешить, а утром они меня подождают. Я решил заночевать прямо на тропе. Натаскал валежника, посидел в одиночестве у костра. А ночью началось! Явился свирепый дух, поднял меня, построил, отлупил... Я катался по земле, получая оплеухи от какого-то невидимки, закрывался руками, но этот гад был опытным боксером... Потом он отвязался от меня и взялся за костер. Словно гигант какой-то распинывал горящие поленья! Огонь летел во все стороны. Меня осыпало искрами. А дух ворчал, брюзжал – и не унялся, пока от костра ничего не осталось. Потом носился по окрестному леску, выражался чуть не матом, тряс листву, ломал ветви... Излишне говорить, что благодарным зрителем до конца представления я не был. Кинулся прочь от этой вакханалии, бежал, пока не рассвело... А позднее получал нелестные эпитеты от знакомого охотника, которому рассказал свою историю. «Глупый человек, – качал головой охотник. – Да кому же приходит в голову ночевать на тропе? Это полное самоубийство. Леший такого терпеть не может – считает за неуважение к своей персоне...»

* * *

На базе в Мерзлом Ключе нечисть не обитала. Здесь ЛЮДИ работали – круче любой нечисти. Мы проехали застывший «неработающий» водопад, давший название местечку – гладкие потеки соляных пород свисали с обрыва, напоминая застывшую воду. Парочка пропускных пунктов, тройные спирали колючей проволоки, высокие заборы. Охранники придиричиво рассматривали нас и наши документы (как будто никогда не видели), заставили произнести несколько условных фраз, доказывающих, что мы – это мы (что, кстати, не дурь и не блажь – неизвестно, кто приедет из леса с твоей личиной и твоими бумагами; разные случаи бывали). Корович порадовал – был еще в своем уме, выдал из себя то, что требовалось.

- Чего это с ним? – покосился на меня вооруженный «бизоном» детина.
- Издержки профессии, – объяснил я. – День выдался трудным.
- Неужто? – удивился охранник. – Так день – он только начался.
- Вот и приятного тебе дня, дружище...

Мы ехали мимо замаскированных под ландшафт «объектов». Антураж напоминал техническую территорию какого-нибудь зашифрованного оборонного предприятия. Пытаются смягчить визуальный эффект, но получается не очень. Объекты походили на грибы со срезаемыми ножками, закрытые зачем-то маскировочными сетями. Несколько холмиков, устланных дерном, парочка вытянутых бревенчатых изб, едва ли представляющих интерес для спутников-шпионов (или, скажем, для любопытных инопланетян). Насколько я знал, они только сверху такие «обычные» – под бетонным фундаментом кипела жизнь в несколько этажей. Грузовики, окрашенные в грязно-зеленый цвет, стояли под массивным козырьком скалы. Отличная ежегодная парковка – летом дождь не страшен, зимой снег выдувается.

- Останови у главного корпуса, – сказал я Шафранову, – сойду.
- Будешь в одиночку огребать? – обрадовался Шафранов.
- А с вами меньше достанется? «RAV» оставьте на парковке – он мне, возможно, понадобится. Пересядете на «газик», отвезете Коровича домой. Один останется «бемиситтером», двое возвращаются к Переведино, «прикурят» машину Коровича и отгонят на базу – не оставлять же ее там. И не попадитесь там какому-нибудь лешему... После этого можете быть свободны, но оставайтесь на связи.

Они тут же бросились комментировать мои «последние» заявления. Шафранов попросился в нянечки – кормить больного с руки и напевать ему «ай, бай, бай, не ходи ты к нам, Бабай». Отдохнуть в разгар рабочего дня – конечно, заманчиво, но как надоело это серое офицерское общежитие! Луговому хорошо – он с бабой живет в отдельном благоустроенном доме... Коллеги проживали в «жилом городке» на окраине Мерзлого Ключа – в полуверсте от долины Покоя, где был мой дом. С развлечениями там действительно было не очень. Пивной кабачок, набитый вечерами под завязку, кино по выходным, телевизор с четырьмя российскими каналами, библиотека, бильярд. Опять же женщины несложного поведения, вьющиеся вокруг городка в любое время суток. Контингент там проживал весьма разнообразный. Был умеренный народ, а были и отвязные, без царя в голове – сиделые, в розыске, авантюристы. Частенько случались дебоши. Для их урегулирования держали специальную комендантскую сотню, расквартированную поблизости. Впрочем, драки и разборки случались даже в расположении сотни...

Я спустился на уровень по спиральной лестнице и пошел по серому коридору. Народ здесь сновал круглосуточно – в форме, без формы, «бледнолицые» от безвылазного сидения под землей, с опухшими от недосыпания физиономиями. Трещали принтеры, мерцали экраны мониторов. Под баракком располагалось сразу несколько отделов – клоака царила такая, что порой не понимаешь, где находишься. Особый приказ, сектор специальных поручений, отдел общего планирования, группа особых проектов («гопы», или группы отпетых преступников, как прозвали их остряки). Кто-то козырял мне, кто-то даже не смотрел в мою сторону. Кого удивишь в этом сообществе грязным мужиком с полубезумным взглядом и серым лицом, на котором застыл вопрос?

– Слышал, лажанулся ты сегодня, Луговой, – злорадно процедил мой давнишний недоброжелатель Хруцкий – худой, как цапля, с лисьей физиономией. – Не боишься загреметь-то с высоты?

О нашей взаимной нелюбви знало все подземелье. Хруцкий радовался каждой моей неудаче, всегда старался поддеть, уязвить. Не далее как вчера докопался в курилке. «Кто такой луговой? – начал разглагольствовать. – Всего лишь дух лугов. Маленький противный зеленый человечек, помогает крестьянам косить траву. Является перед тобой и просит, чтобы ты утер ему сопли, которые свисают аж до колен». Публика ржала, но я не растерялся. «А если не утрешь ему сопли, Хруцкий, он просто убьет тебя, – сказал я. – И если запоздаешь с покоем, будет гнать траву в полный рост, ломать инструмент; а если ты, Хруцкий, вдруг нечаянно уснешь в поле, луговой подкрадется и задушит тебя до смерти...» Он чуть не поперхнулся, и раунд остался за мной.

Я предпочел не разговаривать с этим лисом, даже взглядом не удостоил. Когда-нибудь он точно меня раздавит и попляшет на моих косточках. А после пересядет в мое кресло и окончательно развалит работу. Я сильно надеялся, что это произойдет не сегодня.

Появляться под безжалостные очи начальства в затрапезном виде я не мог. Руководителю оперативной части Челобаю абсолютно безразлично, в каком дерьме меня валяли. Мой внешний вид его не разжалобит. Я встал у двери в свою клетушку и забренчал ключами.

– Хреново выглядишь, – остановился за спиной офицер из отдела «Ч» Стрижак – обладатель оттопыренных ушей и выпуклой родинки под глазом.

– Угу, – буркнул я, покосившись за спину.

Стрижак был нормальным парнем. В работе мы с ним ни разу не пересекались – слишком уж специфичной была деятельность отдела «Ч», но частенько болтали о пустяках за сигареткой. Нормальный парень – со своей печальной историей, почему он оказался в Каратае, а не сделал карьеру в Читинском УФСБ, где в отделе кадров осталась его трудовая книжка.

– Можешь не повествовать, – сказал Стрижак, – всем уже известно. Трупы доставили в тутошний морг, начальству не терпится выслушать твою версию содеянного. Челобай недавно

бегал, метал, грозился расстрелять вас всех, а потом выпороть. Он решил, что вы уже сбежали – свидетели рассказывали, как вы дружно топали куда-то всем отделом...

– Коровича леший заморочил, – скупко объяснил я.

– Бывает, – понятиливо кивнул Стрижак. – Да ты не расстраивайся, Михаил Андреевич. Один провал – не повод для расправы. Такими работниками, как мы с тобой, швыряться в этом здании не принято. Побурлит волна – и схлынет. Позванивай как-нибудь, пивка попьем.

– Счастливо, Александр Витальевич.

Не успел я добраться до ключа, как отворилась соседняя дверь и в коридор высунулся Петр Радищев из сектора связи. Рот раскрыть он, в принципе, успел.

– Знаю, что ты уже знаешь, – раздраженно сказал я.

Он захлопнул варежку, пожал плечами и убрался.

За спиной многозначительно кашлянули. Место Стрижака занял некто Дымов – работник «дружественного» дивизиона внешнего наблюдения.

– Сочувствую, Михаил Андреевич... – начал издалека Дымов.

– Принимается, – бросил я. – Удачного дня, коллега.

Этого типа тоже звали Петр. Радищева окрестили Петром Первым, Дымова – Петром Третьим. Был еще и Петр Второй – работал в секторе криптографии, но усилиями вашего покорного слуги четыре месяца назад ему инкриминировали связи с заговорщиками. До расстрела дело не дошло – несчастный пустился в бега; через несколько часов нашли его тело, растерзанное медведем. С этого дня оба выживших Петра стали относиться ко мне уважительно, стараясь хоть немножко, но угодить.

Я толкнул дверь и вошел в свою крохотную каморку, где имелись сейф и душ. Я должен был помыться, переодеться и размять извилины.

* * *

Минут через двадцать я стоял, как бедный родственник, перед руководителем всех «оперативных» служб и пытался соорудить соответствующую ситуации мину. Павел Васильевич Челобай сидел за массивным столом. Он был такой же тумбообразный, как мебель в его берлоге. Тяжелая голова покоилась на тяжелых плечах, увесистые кулаки лежали на столе, в обоих было зажато по ручке – одной он писал, другой подчеркивал. Зрение у Челобая было неважное – всегда носил толстые очки в металлической оправе. Он сделал вид, что меня здесь нет, и продолжал писать.

– Неприятная история, Павел Васильевич, – отчеканил я.

– Тебя подменили в роддоме? – Он бросил обе ручки и уставился на меня тяжелым, неподъемным взглядом. – Где ты был, Луговой?

Я рассказал про историю с Коровичем, напомнив, что бросать товарищей в беде нельзя даже в свете предстоящего распятия за промашки в работе. Челобай раздраженно повел плечами – я слышал, как похрустывают позвонки условной шеи.

– Как достал уже этот народный фольклор...

Я хотел ему напомнить, что фольклор – он народный по определению, но на всякий случай прикусил язык.

– Докладывай, – проворчало руководство.

Я докладывал детально. Настаивал на том, что хотел как лучше, а получилось...

– Ты не должен хотеть как лучше! – взорвался Челобай. – Ты должен хотеть как надо! По твоей милости мы потеряли двух фигурантов, имевших бесценную информацию...

– Прошу отметить, Павел Васильевич, – мягко перебил я, – это не измена, давайте не будем записывать меня в предатели. И не безалаберность, как может показаться. Просто я хотел как лучше... – И зажмурился, ожидая термоядерного взрыва.

– Ладно, не дожدهшься, – проворчал Челобай, научившийся сносить мои выходки. – Допускаю, Луговой, что это первый твой провал за все время, что я вижу тебя у себя под носом. Завтра к утру – письменный доклад на стол. А сегодня... устный.

– Не понял, Павел Васильевич... Мне повторить все заново?

– Не мне... – За короткое время широкая физиономия Челобая отразила множество чувств, среди которых был и страх. – Ты же у нас протеже... самого-самого... – Павел Васильевич как-то боязливо посмотрел на потолок. – Ты же у нас как бы кот, гуляющий сам по себе, подчиняешься мне только формально. Ты же у нас вхож в любые кабинеты, имеешь право доклада в обход непосредственного формального руководства...

– Преувеличение, Павел Васильевич, – возразил я. – Мифы и кем-то подогреваемые домыслы...

– Да ладно тебе, – отмахнулся Челобай. – Хочешь сказать, никогда не бывал в Белом дворце, не разговаривал по душам с Благомором? Не вешай старику лапшу на уши. Старик не первый день родился... Да, возможно, – понизил голос начальник, – я не испытываю ни малейшего желания ехать к Благомору оправдываться за твои ошибки, поскольку прекрасно представляю, что такое царский гнев.

– А обязательно нужно ехать к нему на доклад? – скис я.

– У правителя были счеты с Гулыштерном. Приказ найти его в живом виде и доставить в Белый дворец был недвусмысленно спущен сверху. Сегодня мне намекнули... – Челобай опять раздраженно посмотрел на потолок, – что хотели бы выслушать подробный отчет. Так что собирайся, Луговой. Твое творчество – ты и отвечай. И не обижайся, если наложенное на тебя взыскание окажется чересчур суровым. Можешь поехать прямо сейчас. Удачи и... ни пуха ни пера тебе, Луговой.

«Принцесса с треском захлопнула крышку клавиатура». Мне осталось лишь козырнуть, что я делаю далеко не каждый день.

* * *

Въезд в долину Черного Камня обрамляли два озера первозданной красоты. Дорога спускалась с перевала, обтекая фигурные глыбы, разбросанные каким-то гигантским Геркулесом. По водной глади курсировали черные лебеди – непуганые (попробовали бы их тут испугать), с горделиво выгнутыми шеями. Впечатление портил пропускной пункт с типовым шлагбаумом, у которого выстроилась очередь гражданских – жителей местных поселков, имеющих пропуска. Старушка в ситцевом платочке вела козу, мужик, похожий на старообрядца, – понурюю клячу в яблоках. Персоны моего уровня в очередях не стояли. Военный в кепи поднял руку; выскочил второй, оттеснил толпу. Я продемонстрировал «аусвайс» – формальный жест, меня и так тут знали. Военный кивнул, пожелал, как положено, приятного дня, дернулся шлагбаум...

Я ехал по удивительным местам. По красоте и живописности долина Черного Камня уступала лишь Теплой долине, расположенной южнее. Уникальное природное явление. Каждый элемент пейзажа по-своему неповторим. Лазурные озера в каменных чашах, диковинные переплетения скал, перемежаемые ручьями и маленькими речушками. Водопады срывались с утесов, вода серебрилась, блестела на солнце. Пушистые елочки карабкались по террасам. Направо от трассы отпочковывалась грунтовка, убежала за игрушечный березняк. Лучше и не знать, что за березняком – один из самых мрачно-знаменитых концлагерей Каратая. Люди гибли там сотнями – от «ударного» труда, от жутких условий, от издевательств охраны... А с обратной стороны – холм. На холме над елями возвышались две остроконечные башенки, а что за ними – постороннему неизвестно. За холмом располагался местный «Алькатрас» – «ведущая» тюрьма Каратая. А башенки принадлежали ее административному корпусу. В «Алька-

трасе» содержался контингент, в коем по ряду причин были заинтересованы власти. Или люди, совершившие «особо тяжкие преступления». Персонал туда подбирали самый лютей, режим создавали невыносимый. Ходили слухи, что за все время существования «Алькатраса» из него никто не сбежал... Но если об этом не знать – сущий Элизиум. Дорога вилась мимо опрятных деревень с черепичными крышами, местные жители были прилично одеты и вполне годились для рекламного ролика, восхваляющего урочище. Особых прав местные не имели, но на жизнь не жаловались. Десяток населенных пунктов в пределах долины был визитной карточкой Каратай. Для кого? Еще один загадочный феномен. Я не мог избавиться от мысли – совершенно идиотской мысли! – что Каратай посещают туристы. Вот и сейчас... Я невольно притормозил. Из теремка, примыкающего к озеру, оживленно переговариваясь, выходили люди. Кто-то дожевывал на ходу, вытирая носовым платком жирные руки. Люди с любопытством смотрели по сторонам, что-то спрашивали у сопровождающего – дежурно-улыбчивого парня в опрятной униформе. На подобную публику я наткнулся не раз. Какие-то они похожие в своей «непохожести». Ходят группами по семь-восемь, носят свободные одежды, кепи со шнуровками под горлом, странные шляпы, какие-то вызывающие береты. Я окрестил их про себя «французами». Вылитые туристы – только без фото- и видеокамер. Что-то записывают в блокноты, и постоянно их сопровождают либо офицеры Режимного отдела, либо сотрудники отдела «Ч». Говорят по-русски, но тоже необычно. Старомодно, что ли. «Позвольте узнать, милостивый государь...», «Не будете ли вы столь любезны...», «Ах, так мило с вашей стороны...». Уши бы мои не слышали.

«Туристы» сбились в кучку, с любопытством рассматривая мой автомобиль. Сопровождающий сделал в мою сторону нетерпеливый жест – проваливай, приятель, мне плевать, что ты старше по званию...

Долина сузилась, подросли окрестные хребты, я проехал мимо Черного Камня – гротескной монументальной скалы, похожей на обугленный небоскреб. Проплыл поселок Тарбулы, состоящий из коттеджей за высокими заборами. За развилкой я свернул направо и въехал в глубокий распадок, где, собственно, и размещалась резиденция Богомора. Еще одно местечко, напоенное красотой. Но красота здесь была кладбищенская, мрачная, потусторонняя. Миллионы лет назад река проточила толщи базальтовых пород, но давно пересохла. Скалы возвышались сплошными навесами. Деревья на скалах смыкались кронами, заслоняли небо. «Дворцовый» комплекс был разбросан по обеим сторонам ущелья. Не удивлюсь, если узнаю, что все строения здесь связаны подземными, точнее, «подкаменными» ходами. Подозреваю, на возведении данного объекта загубили не одну тысячу невольничьих жизней...

За изгибом дороги остались два пропускных пункта. Поднялся третий шлагбаум, открылся «Сезам». Я ехал по дороге, облицованной белым камнем, косился на зловещие достопримечательности. Здания стояли на уступах в шахматном порядке. Пулеметные гнезда, тарелки локаторов, молчаливая охрана. Год назад здесь резвились мятежники – комплекс резиденции и «подсобные» строения подвергли минометному обстрелу. Многие здания еще не отстроили, стыдливо пряча их за маскировочными сетями. На разборе завалов на месте казармы местного «кремлевского» полка трудились узники концлагеря. Зрелище не для «туристов» – впрочем, их сюда и не пускали.

Я подъехал поближе, сбросил скорость. Рабочую зону оцепили охранники в буро-зеленом камуфляже. Лаяли, срывались с поводков овчарки. В гряде развалин копошились серые люди. Голыми руками разгребали завалы, грузили мусор в тачки, катили к самосвалу, где перегружали в кузов. Я подъехал еще ближе. Овчарки на меня не лаяли – знали, на кого положено. Трудились мужчины – грязные, худые, изможденные до крайности, с пустыми глазами. Вялые движения, валкая поступь. Смертельно бледный паренек, похожий на альбиноса, толкал перед собой тележку, груженную цементированными обломками кирпичей. Колесо попало в яму, тележка накренилась, альбинос ее не удержал, содержимое вывалилось и покатило под ноги

бородатому охраннику. Конвоир гневно завопил и ударил парня прикладом. Несчастный схватился за отбитый бок, упал на колени.

– Работать, сука! – вопил вертухай. – И смотри, куда катишь!

По костлявому лицу «каторжанина» текли слезы.

А у самосвала разыгралась настоящая драма. Глыба, которую перекачивали за борт, оказалась слишком тяжела для четырех трясущихся рук. Один из узников успел отпрыгнуть. Второму раздавило ноги. Он лежал под глыбой, извивался, жалобно стонал, закатывая глаза. Товарищи бросились к нему и принялись откатывать камень. Несчастный закричал еще громче. Ноги ниже бедра превратились в кровавый студень. Торчали кости. Ситуация была вполне штатной. Шуметь в ущелье возбранялось. Подошел офицер с равнодушной миной, извлек из кобуры бесшумный «ПСС», помедлил, прежде чем выстрелить, – высматривая в глазах жертвы то самое, что всегда заводит садистов и маньяков...

Прошлым летом при виде такой картины я схватился бы за автомат и накрошил с десяток охранников. Полгода назад меня бы вырвало. Сегодня я не чувствовал практически ничего. Привык. Пообещав себе разобраться на досуге с этим психологическим феноменом, я махнул рукой смутно знакомому офицеру, стоящему в стороне, и поехал дальше.

Лично мне Белый дворец не нравился. Нормальное понятие – эклектика, но здесь с ней явно перемудрили. Словно несколько особняков из белого мрамора, спроектированных разными архитекторами, слепили в кучку. Как смотрелось это недоразумение сверху, я не знаю – возможно, никак благодаря столпившимся над обрывом соснам и сложной комбинации маскировочных сетей, которые, как ни странно, антураж не портили. Впрочем, за оградой, впитавшей в себя последние технические новинки, связанные с безопасностью, все было нормально. Вереницу обширных террас связывали каменные лестницы, а где-то и лифты. Гравийные дорожки, фонтанчики, скульптурные композиции, кирпичные беседки. Прохаживались люди – «отдаленно и особо приближенные к императору». Откровенно праздных бездельников у себя под боком Благomor не держал; каждый блюдолиз из свиты выполнял определенную функцию. Администраторы долин, руководители всевозможных служб, советники и советчики, «мальчики» на побегушках. Имелся контингент и «для души». Благomor был ценителем и почитателем женского тела. Он требовал много женщин – красивых и разных. Ходили слухи о его беспорядочной половой жизни. И никто не слышал о наличии у Благомора законной супруги. Любовниц он менял с такой же скоростью, с какой те меняли трусики. Гаремов не держал, но под рукой всегда имелась парочка-другая претенденток на «высокую» постель. Каждая мечтала выбиться в разряд «постоянной», но самое светлое на земле чувство Благомора пока не наступало. Любовницы держались неделю-две, потом уходили в забвение. Дальнейшая судьба экс-фавориток зависела от многих факторов – от настроения, от обстоятельств «расставания», от нрава брошенной подруги. Бывших любовниц, надо признаться, Благomor не убивал. Самое худшее, что могло с ними случиться, – оказаться в грязном борделе под пьяной солдатней. Перспектива получше – чистый бордель для эстетствующих (и не очень) офицеров. Отдельные направлялись для убления придворной публики, другим выпадало счастье перекопаться в горничную, служанку или, скажем, посудомойку или официантку в офицерской столовой.

Я сдал оружие, потерпел, пока меня со всех сторон просветят, поднялся на пару террас, раскланялся с парой неприятных физиономий. Сдержанно кивнул начальнику Режимной службы Рачному. Этот тип не вызывал ровным счетом никаких эмоций. Рачной прогуливался вдоль беседки, увитой гигантским плющом, и что-то наговаривал в коммуникатор (мемуары, наверное).

– Вызывал? – выразительно повел подбородком Рачной.

– Сам пришел, – лаконично поведал я. – Дошел слушок, что Олег Геннадьевич желает выслушать объяснения и высказать комментарии.

– Сочувствую, – усмехнулся Рачной. Похоже, скоро каждая белка в этом урочище будет знать о неудачном дне Лугового. – Ну, давай, прогуляйся, может, примет.

Сегодня в Белом дворце не проводились мероприятия, требующие скопления народа. Из беседок выглядывали снулые похмельные физиономии, бледные призраки дефилировали по аллеям, обрамленным белым камнем. Увеселительное мероприятие, похоже, было вчера. С тихим ужасом я вспоминал «сатурналию», проходившую в последний день весны. Я прибыл с докладом о проделанной работе, и никто не поставил меня в известность о вакханалии во дворце. Благomor почитал древнеримские традиции (разве что с конем не спал). Сатурналии – ежегодные празднества, когда рабы и господа менялись местами – были важнейшей составляющей придворной жизни. Подобной мерзости я еще не видел. Лизоблюды под недремлющим оком Благомора ползали в ногах смущенных несчастных, разнаряженных в цветастые римские тоги, прислуживали им за столом, получали удары палками, терпели бомбардировку куриными костями. Жены высокопоставленных лиц в полуголом виде исполняли перед «римской знатью» экзотические танцы. «Провинившихся» били плетью, и Благomor лично контролировал, чтобы удары были не символическими, а до кровавых рубцов. Рабам мужского пола подсовывали обнаженных женщин – это была полная чушь, у недокормленных изнуренных людей давно атрофировались органы, ответственные за те самые функции... Меня поразило в этот вечер выражение лица Благомора. Он не ел, не пил, отмахивался от льнущих к нему женщин. Он упивался властью. Власть – самое сильное возбуждающее средство (согласно высказыванию Генри Киссинджера); он просто тащился от того, что происходило вокруг него...

В бассейне, выложенном «тигровой» мраморной плиткой, плавала русалка в экономном бикини телесного цвета. Моя дорога пролегла мимо бассейна. Я не мог не покоситься на соблазнительные изгибы. У русалки было ладно скроенное тело, длинные ноги, покрытые равномерным загаром. Движения плавные, изящные. Она добралась неторопливым кролем до центра бассейна, перевернулась на спину и стала медленно шевелить конечностями, чтобы не уйти на дно. Красавица, отметил я с какой-то неуместной завистью. Грива золотистых волос рассыпалась по воде, привлекательная мордашка. Глаза пустые, равнодушные (хотя и несказанно красивые). Возможно, чтобы пленница смирилась со своей участью, использовались специальные препараты, особая психологическая «помощь». Девушку звали Диана Лесницкая. Выпускница одной из «Фабрик звезд» – в отличие от сотоварок, у нее был приятный голос. Участница всевозможных хит-парадов, развлекательных шоу, праздничных концертов на ТВ. У Дианы были влиятельные спонсоры и покровители; подозревали о ее связи с членом правительства. Она не вылезала из телевизора, была нарасхват в различных шоу. О похождениях Дианы захлеб писали «желтые» газеты, с ее именем связывали пикантные скандалы. Ей пришлось все благодаря таланту и смазливой мордашке. Пару месяцев назад Диана Лесницкая пропала из своего пентхауса на Тверской улице. История была темная, связанная с неким пожаром, якобы вспыхнувшим в тот же день в том же доме. Искали пожарные, искала милиция... Средства массовой информации смаковали новость, высказывая противоречивые, порой дикие версии. История была громкой и резонансной. В следствие втянули ФСБ и даже парочку европейских спецслужб. Оперативники недоумевали – Диана пропала таким образом, словно ее и не было в пентхаусе. Охрана, с треском уволенная, пожимала плечами, никто ничего не видел. Через месяц нашли обгоревший труп, по зубам идентифицировали звезду и успокоились. Даже посадили какого-то нервного фаната. В то, что он провернул похищение и убийство, не верил ни один человек в стране – особенно после того, как его нашли повешенным (а не повесившимся) в камере...

Я несколько не удивился. Просто приятно было видеть эту женщину живой и здоровой. И не такие «великие пропащие» всплывали в Каратае. Я встречал тут ведущего специалиста столичного НИИ горных пород и минералов – о его исчезновении средства массовой информации тактично промолчали (не та фигура, чтобы заработать на ажиотаже). Лично беседе-

вал со скандально известным подполковником спецподразделения «Альфа», которого подозревали в организации покушения на руководителя «Росэнерго», да не смогли поймать. Видел труп некоего ушлого господина из администрации президента, замешанного в коррупционном скандале. Прибыв в Каратай, он не избавился от своих порочных привычек, в результате чего и стал трупом...

Русалка подняла голову – на слух она не жаловалась. Красиво подплыла к краю бассейна, высунула мокрую мордашку. Не успел я моргнуть, как блестящее тельце перекочевало за край и разлеглось на кафельной плитке. Зрелище в данное время дня абсолютно неприемлемое.

– Есть минутка, офицер? – проворковало соблазнительное существо.

Минутка, в принципе, была. Но из детского возраста я давно вышел, понимал, чем чревато общение с одалиской.

– Вам скучно, Диана? – Я невольно притормозил.

– О, вы знаете мое имя... – Она соорудила самое сексуальное выражение лица, которое я когда-либо видел. – Поговорите со мной, офицер... – Она соблазнительно облизала пухлые губы и поменяла позу на абсолютно неприемлемую. – Здесь так скучно, я совершенно не знаю, чем заняться...

– Простите, мэ, но у меня назначена встреча... – Щеки мои запыхали, словно я сидел у печки.

– Как жалко, – вздохнула девушка. – Но ваша встреча ведь надолго не затянется, верно? Возвращайтесь, офицер, я буду ждать...

Я галантно раскланялся и припустил прочь, чувствуя чудовищную неловкость. Умеют же эти чертовки вогнать человека в краску и уготовить ему (и себе) большие неприятности! Но ничего, в местных лабиринтах я найду обратную дорогу в обход бассейна...

На следующей террасе, расположенной непосредственно под местным «Версалем», я повстречался с загадочной, лишенной колорита персоной. Мужчина средних лет, с продолговатым тусклым лицом, одетый в блеклый костюм и водолазку, прохаживался у искусственного пруда, заросшего желтыми лилиями, и задумчиво посматривал, как садовник обихаживает куст колючей аралии.

– Филиппыч? – учтиво склонил я голову.

– Луговой? – в том же духе отозвался Филиппыч.

На этом обмен любезностями завершился, и я отправился дальше. Кто такой Филиппыч, не знал никто, за исключением, естественно, Филиппыча и Благомора. Полное имя, чем занимается, статус при дворе. Он был немногословен, сдержан, ко всем относился ровно и снисходительно. Частенько Филиппыч пропадал в неизвестном направлении, появлялся, когда считал нужным, вел себя независимо, перед «патроном» не пресмыкался, постоянно нарушал «придворный этикет», но этонисколько не раздражало Благомора. Частенько эти двое уединялись, приватно перешептывались и были крайне недовольны, когда их уединение нарушали. Приказов от Благомора Филиппыч, насколько знаю, не получал. Лишь однажды я был свидетелем, как Благомор посмотрел на часы и неуверенно произнес: «Не пора ли, Филиппыч?» – «Рано еще, – также глянув на часы, отозвался Филиппыч, – скоро поеду». Злые языки по углам и беседам предполагали, что сексуальные пристрастия Благомора простираются несколько дальше традиционных, но лично я в это не верил. Геом Благомор не был. При таком-то количестве женщин? При столь неинтересной внешности Филиппыча? При практически неограниченном выборе сексуально привлекательных мальчиков?..

Благомор в этот час не был похож на человека, снедаемого яростью; впрочем, в прекрасном расположении духа также не был. Он сидел на соломенном стуле, закутавшись в халат, выдержанный в строгую полоску, потягивал коктейль из граненого бокала и меланхолично смотрел с высоты террасы на раскинувшийся внизу распадок. В резиденцию меня не пригласили – да я и не рвался. Он искоса глянул в мою сторону и невразумительно хмыкнул.

– Добрый день, Олег Геннадьевич, – уважительно поздоровался я.

– Да уж, добрый, – согласился Благомор.

Я покосился на закрытые стеклянные двери веранды. Стекло, могу поспорить, было трижды прочным. Только внешне оно напоминало обыкновенное. Охрана в глаза не бросалась, но кто бы сомневался: опрятные кусты, стены здания, камни бордюра среагируют правильно, вздумай посетитель что-нибудь затеять.

– Присаживайтесь, Луговой. – Благомор кивнул на свободное кресло. – И нечего тут коситься.

– Спасибо, Олег Геннадьевич, постою, если можно. – Я отодвинулся к тяжелой балюстраде, за которой открывался головокругительный вид.

– Как угодно, – пожал плечами Благомор. – Мой зловредный Рачной, кстати, крайне не рекомендует приближаться к этим перилам. Панорама, как видите, на много верст. Держать всю эту благодать под контролем служба безопасности не может. При нынешнем разнообразии, совершенстве снайперского оружия и достатке способных людей...

Я почувствовал недобрый холодок в груди. Технологии действительно шагнули. Да и люди... Я лично был знаком с одним охотником, бывшим снайпером из 40-й армии – после трехсот водки с шестисот метров он мог «проколоть» ухо белке.

– Ничего, Олег Геннадьевич, моя ничтожная персона никому не интересна. Хотелось бы объяснить вам причины постигшей нашу группу неудачи с Гульштерном, в чем вина исключительно моя...

– Понравилась Диана? – Глазки Благомора сузились в щелки.

Кто бы сомневался. Не только стены, но и воздух имеет глаза и уши, а также возможность моментального оповещения хозяина.

– Разумеется, Олег Геннадьевич. – Я старательно сохранял самообладание. – Не припомню ни одной женщины из вашего окружения, которая не нравилась бы мужчинам. У вас прекрасный вкус. Диана – очень милая, неотразимая, безумно сексуальная... Мне продолжить, Олег Геннадьевич? Или остановимся на том, что я никогда не завел бы шашни с женщиной моего высокого босса?

– Вы неисправимы, Луговой, – с каким-то детским недовольством отозвался Благомор, – даже испугаться не можете по-человечески... Ладно. Давайте ваш доклад.

Я рассказывал во всех подробностях и даже описал обвал в лазу, виновником которого в данном изложении оказался не я, а сбежавший убийца.

– Мне очень жаль, Олег Геннадьевич, – закончил я. – Понимаю, какие надежды вы возлагали на беседу с Гульштерном; также понимаю, что, если бы мы взяли его живым, поиск притаившихся заговорщиков пошел бы значительно веселее. Вину с себя не снимаю, покорно жду наказания. Но хотелось бы, чтобы вы ознакомились с некоторыми задумками относительно минимизации последствий случившегося.

– Излагайте, – пожал плечами Благомор.

Надо признаться, он умел выслушивать предложения. Самым поразительным образом в диктаторе Каратая сочетались тяга к пышным развлечениям с умелым администрированием вверенного ему «предприятия». Он вникал во все вопросы. Мог быть жестоким и удивительно благоразумным. Был тираном, но никогда не брезговал полезными советами. Знал обо всем, что происходит в урочище. Обладал завидным интеллектом и умением предвидеть последствия. Мог ошибаться, ставить не на те фигуры, но всегда признавал свои ошибки, учился на них и рано или поздно выходил победителем. Умел награждать и наказывать. Никогда не требовал невозможного, но сурово карал за халатность и неисполнительность. Эдакая гремучая смесь Калигулы, Черчилля и Иосифа Виссарионовича Сталина, чей портрет, по слухам, висел у него в гостиной.

Я изложил свои соображения. Заводилой заговора Гульштерн никогда не был. Он даже не являлся его идейным вдохновителем. Знал руководителей подпольных ячеек, не больше. С поимкой Гульштерна проблемы следствия не разрешились бы автоматически. Мы просто зашли бы в другой тупик. Руководитель заговора в Каратае неизвестен до сих пор. Кто направлял его действия извне, сокрыто тем же мраком. Тщательное расследование доказывает, что группа товарищей из ФСБ, представителем которых выступал мой знакомый «Пал Палыч» (на поверку Хаврун Сергей Романович, полковник Н-ского УФСБ), к заговору отношения не имеет. Возможно, они являлись наблюдателями, но и только. Действия заговорщиков были бездарны и носили демонстративный характер. Словно предупреждали – мы есть, вот и дальше трепещите, когда-нибудь дождетесь. Отказ руководителей заговора пристроить своего человека в ближайшее окружение Благомора (удивительно, но факт), тупой обстрел из минометов резиденции – зачем? Штурм дворцового комплекса, когда там не было правителя, – объясните, на хрена?! Ни малейшей попытки нейтрализовать готовые к бою «Черные акулы», способные за считанные мгновения уничтожить роту солдат, как бы те ни зарылись в землю. Кто же так делает? За Благомором, бегущим на север – искать защиты у Триглава в Грозовой долине, – отправили лишь один вертолет. Второго не нашли? И так далее. Глупо, нелогично, бессмысленно. Возможно, так и есть – устроители заговора и не намеревались выиграть. Об этом знали только они (их имена неизвестны), а прочие участники были не в курсе. Тогда что это было? Отвлекающий маневр? ОТ ЧЕГО отвлекающий? Предстоит выяснить. Работа с Гульштерном лишь усугубила бы возню в болоте. Он выдал бы только тех, кто тупо исполнял его приказы (эти люди уже неопасны), а имени своего непосредственного кукловода Гульштерн не выдал бы даже под пытками – он его попросту не знал. Следствию пора съезжать с накатанной колеи. Имеется лишь один способ выйти на реальных авторов заговора, и он никак не связан с беготней за местными «шестерками». Придется подключать агентов на «большой земле». И не только в России. И не только рядовых агентов. Не секрет, что руководство Каратая взаимодействует с определенными кругами в знаменитой компании «Де Бирс» – мировом лидере по добыче алмазов, а также с финансистами и дельцами ведущих мировых бирж. Довольно сложно выбрасывать в свободную продажу тонны никем не контролируемых алмазов и не обвалить при этом рынок...

Благомор, полузакрыв глаза, выслушивал мои соображения. Несколько раз по ходу монолога кивнул, как бы соглашаясь.

– Хорошо, Луговой, – он недовольно нахмурился, – в здоровом зерне вам не откажешь. Считайте, что отбрехались. Поговорите с Челобаем, пусть сведет вашу группу с Антоновым – тот курирует связи с «материком». Работайте. От санкций в ваш адрес пока воздержимся, до сегодняшнего дня вы проявляли себя как способный работник. Посмотрим, на что вы еще способны... Да и как-никак вы спасли мне жизнь...

«Хорошо, что помнит», – подумал я.

– Другие проблемы, Олег Геннадьевич? – проницательно подметил я.

– А когда они кончались? – Благомор коряво усмехнулся. – Проблемы – как из рога изобилия... В одной из деревень долины Падающей Воды вчера вспыхнул бунт. Эти уроды реквизируют у крестьян почти все. Людям просто нечего жрать; зарезали старосту, пытавшегося их образумить, выгнали людей, прибывших за «излишками» продовольствия, взялись за вилы... На прииске в Аркадьёво накрылся бур в кимберлите. Уж больно инцидент напоминает вредительство – вы когда-нибудь пробовали сломать этот бур? Администрация ползает на коленях, просит милости, что-то лопочет о недельных ремонтных работах...

– Все решаемо, Олег Геннадьевич, – мягко произнес я. – Позвольте идти?

– Да кто же вас держит, – пожал плечами Благомор. – Ступайте, работайте на благо нашего общего дела.

Я развернулся, чтобы уйти, не забыв при этом склонить голову и шелкнуть каблуками, но тут он остановил меня, произнеся в спину как-то вкрадчиво:

– Я слышал, вы проявляете чрезмерную любознательность, Луговой?

Я развернулся четко по-военному, едва не вскинув руку в гитлеровском приветствии.

– Простите, Олег Геннадьевич?

– Люди жалуются, что вы суете нос в дела других отделов. В частности, отдела «Ч», отдела криптографии и подразделения Антонова. Что скажете, Луговой? Только не говорите, что ваша любознательность с вами и умрет.

– Я всего лишь работаю, Олег Геннадьевич...

Нехорошо мне стало от его взгляда. Тяжелый обруч сдавил грудную клетку. Благомор прав, пора умерять любопытство. Добром это дело не кончится. Неоднократно поступали прозрачные намеки – отнюдь не со стороны Благомора. Один лишь прошлогодний инцидент в Утином Броде чего стоит.

– Вы читали инструкции, – вздохнул Благомор, – в них отчетливо указаны границы вашей компетенции. Секретность первого и второго уровней – увы, не ваше. Мы не тупые армейские дуболомы, понимаем, что расследование некоторых дел приводит иногда к запретной тематике. Но и в этом случае ваши действия прописаны. Отдайте заявку на рассмотрение – и получите либо информацию, либо часть вашего расследования проведут другие люди. А вы суетесь сами, без спроса. Я получаю жалобы. Последний донос был совсем возмутительным: ну, скажите на милость, какая вам разница, кто такой Филиппыч? Зачем эти несанкционированные вылазки в мировую сеть с попытками получить информацию, манипуляции никами и паролями?

Сердцу стало тесно в груди. «Куда ты лезешь, Луговой? – пульсировал маячок в мозгу. – Сколько кошек прикончило любопытство?»

– Это не повторится, Олег Геннадьевич. – Я шелкнул каблуками и удалился из опасной зоны.

* * *

Я возвращался на базу в глубокой задумчивости. Под меня копали, это не новость. Копали где-то рядом – в моей же «корпорации монстров». Искать компромат на меня бессмысленно – ввиду его отсутствия. Мелким козырем для противника могло бы стать пресловутое любопытство (что было, то было, но далеко я в своих изысканиях не продвинулся), ловкая подстава или...

И снова вспоминался прошлогодний случай в Утином Броде – в низине с пологими увалами между деревнями Крюки и Гольцово. Пробило колесо, и в голове включилась паника: чего бы она на ровном месте включилась? Я попятился в водосток, зигзагами добежал до леса, вызвал подмогу. А впоследствии терзался: шизофрения, паранойя, реальная угроза? Кому понадобился бывший следователь военной прокуратуры, не являющийся «разносчиком» информации и толком не представляющий опасности? Конкурент? Соискатель на мою должность? А что хорошего в моей должности? Рискуешь, как все, спишь урывками, личная жизнь трещит, люлей получаешь в первую очередь. Не дают кому-то покоя мои «особые» отношения с Благомором? Ох, чувствуя, скоро придет конец этим «особым» отношениям...

Я вывернул руль перед Матрениным бором и сбросил скорость, выезжая на кочковатую лесную дорогу. Через несколько минут я спустился с горочки в тот самый Утиный Брод. С одной стороны, увалы поросли редкими осинами и ольхой, с другой – зеленел густой ельник, при желании там можно спрятать хоть дивизию злоумышленников. Глупо с моей стороны искать улики спустя год. Но можно было просто прогуляться.

Я остановил машину ровно там, где в памятный день спустило колесо. Куст в водостоке, с которым я бодался, был сломан и наполовину высох. Опасность исходила из ельника – я чувствовал. Прошелся по опушке, увязая в глиноземе, поросшем пушистой травкой. Посидел на корточках – поближе к земле. Сунулся в лес... и внезапно оробел. Расстегнул кобуру, раздвинул ветки боярышника, снова присел «на кукурки» – еловые лапы висели слишком низко, заслоняя обзор. В печенке уже эти «былинные» леса Каратая, где за каждой кочкой что-то да корячится. Анчутки прыгают – чертенята, по-нашему, – беспятые, беспалые, любители проказничать. Бука в заболоченной низине, спрятавшись в кусты, аппетитно грызет чьи-то белые косточки...

Я осмелял свою нерешительность, походил по лесу, вычислил все места, откуда просматривалась машина, и едва ли не обнюхал их. Выискивал «пролежни», окурки, сломанные ветки. Несложно догадаться, чем закончились мои поиски. Вскипев от злости, я затоптал недокуренную сигарету, выбрался из леса и зашагал к машине. Прыгнул за руль, вставил ключ в зажигание, повернул... и машина не завелась. По спине подуло холодком. Я повторил манипуляцию – аналогичный результат. История с Коровичем повторялась в виде фарса? Чуть – история с Коровичем и была настоящим фарсом. Я машинально потискал кобуру – она уже была растегнута. Перегнулся через сиденье – не спрятались ли кто сзади? Посмотрел во все окна – не подкрадываются ли к машине полчища нечистой силы? Лучшее решение – просто подумать. У Коровича сел аккумулятор, при попытке завести машину раздается треск. У меня – без треска. Батарея новая. Просто зажимы разболтаны, плохо охватывают клеммы, искра не проходит. Плевое дело. Подпрыгнул где-нибудь на кочке, контакт и расцепился. Ругаясь сквозь зубы, проклиная свою склонность к суеверию (вроде не наблюдалось за мной такого), я выбрался из машины, распахнул капот.

– Кхе-кхе... – покашлиали сзади. И произнесли этак вежливо и смущенно: – Сломались, сударь?

Я резко повернулся – жар в голове, а ноги заledenели. Пусть меня молния пронзит, если несколько секунд назад тут кто-то был! А теперь стоял мужичонка ростом ниже среднего, седоватый, бородатый, давненько не навещавший парикмахера, одетый как пилигрим – серые штаны фасона «семеро нагадили, а я ношу», длинная рубаха, сверху рубаха покороче, на ней еще короче, и всю эту капусту подпоясывала тесемка, завязанная бантиком. «Пилигрим» опирался на палочку и смотрел так добро, что хоть за мелочью лезь.

– Это бывает, уважаемый, – ласково сказал незнакомец. – Проблемы со стартером, с замком зажигания... Входящее реле давно проверяли? Давайте я вам помогу. Ох уж эти неисправимые пользователи, не разбирающиеся в элементарных конструкциях...

Почувствовалось легкое головокружение – «пилигрим» смотрел на меня ласково, обезоруживающе. Еще минута, и... Какая продвинутая нынче нежить. С этой публикой ни в коем случае нельзя разговаривать, а то заговорит зубы, затаянет в бездну, оглянуться не успеешь. И смотреть им в глаза не стоит... Я выхватил пистолет, когда он уже подался ко мне, начал отгеснять от капота. Взвел курок.

– Назад, «пилигрим»! – Слова давались с трудом, приходилось буквально выхаркивать их из горла.

«Дух» был отчасти материален. От него пахло, его можно было потрогать. Не разобраться без бутылки с этими местными духами...

– Ты что, офицер, – ласково сказал пришелец. – Я же безвозмездно, так сказать, в плане бескорыстной услуги...

– Самоуничтожся, помощничек! – взревел я, втыкая ствол ему в переносицу.

Он увидел, что мой палец ползет по спусковому крючку, перепугался, как настоящий, и начал пятиться. Я за ним. Он припустил вприпрыжку – и на хрена такому, скажите, палочка? – я сделал несколько шагов и встал. Не уйду от машины. Попятился. А этого «духа» из народ-

ных преданий уже и след простыл – растворился в воздухе, отбежав всего на несколько шагов! Страх остался в организме – кто следующий? Какую масочку на этот раз нацепим? Я покрутил зажимы на клеммах, работая боковым зрением. Приди же, контакт! Захлопнул капот, взгромозвился за руль. Машина завелась, умница...

Только через милою начал отпускать страх. Я сообразил, что еду не в ту сторону, и повернул на примыкающий проселок. Карта местной «инфраструктуры» стояла перед глазами. Предстояло еще заехать в отдел, порешать наболевшие вопросы и пожаловаться Челобаю на отвратительную работу отдела «Ч». Оттого и назвали сборище бездельников отделом «Ч», что в их компетенцию, помимо прочего, входит работа с «чужими». Выражаясь понятнее, с НЕПОЗНАННЫМ. Еще понятнее: НЕ ПУЩАТЬ. Не проникновение в суть явления (в этой сути сам черт ногу сломит), а очистка от него стратегически важных объектов и их окрестностей. У парней хитроумное оборудование, собственные эксперты, консультанты, в том числе из местных жителей. А работают спустя рукава. Нечисть оккупировала все ближайшие леса, аномальные зоны становятся шире, глубже, страшнее, расползаются, как кровь под мертвецом, появляются там, где их еще недавно не было. Надежно защищены от посягательств лишь долина Черного Камня и долина Покоя, где расквартирован ценный персонал, да кое-какие коммуникации, имеющие значение. Плюс ареалы обитания местных феодалов. На этих участках работают сильные экстрасенсы, ангажированные режимом, какие-то колдуны со «специальным образованием», особые датчики, сигналы с которых отслеживаются круглосуточно. На остальной территории Каратая лучше держать кобуру расстегнутой. Хотя и кобура – не такая уж волшебная палочка. Крестьяне в деревнях практикуют заклятия, «волшебные» порошки. Говорят, что помогает от мелкой нежити. Сами спасаются, дома спасают, скот. Я сам, уж если откровенно, навестил однажды деревенскую колдунью. Отслонявил ей, сколько просила, потерпел, пока она глумилась надо мной, верша охранный заговор, выпил волшебный настой из перетертых корешков, лягушачьих лапок и крысиных хвостиков, крякнул, занюхал рукавом. Китайская кухня отдыхает. А как она расхваливала свою гадость – ну прямо как пройдоха Цзюн свои таблетки от несварения. Оно и видно по сегодняшним (да и не только) событиям...

* * *

Я спустился с горочки в долину Покоя не сказать что глубокой ночью, но стемнело уже давно. Свет фар выхватывал из темени кусты отцветшей сирени, сибирской дички, пестрые цветочные клумбы. На календаре начало лета, а в благодатном климате Каратая полным ходом цветут цветы и плодоносят жимолость и малина... Я медленно ехал по узким дорожкам, петляющим с террасы на террасу. В отдельных коттеджах еще мерцал свет, но в основном люди спали – напахались за день на ответственной работе, доползли до дома, отключились.

Я добрался до своей ограды, стилизованной под рябь на телевизоре, заехал на предназначенный для парковки пятак, погасил фары, выключил двигатель. В доме не спали; на первом этаже за шторами горел свет, казалось, там что-то мельтешит – от усталости, наверное, мерещилось. Я откинул голову на подголовник, пролистал события минувшего дня, разложил их по полочкам, чтобы удобнее было найти в случае нужды. Я всегда так делал. Пусть мир летит куда подальше, но в голове должен царствовать немецкий порядок.

Челобая в последнее время стали нешуточно беспокоить китайцы. В Каратае их было немного, жили обособленными общинами, разводили овощи, держали какое-то подобие аптек, сбывая хворающим людям средства своей народной медицины (благо с травами в Каратае недорода не было). А тут вдруг стали шевелиться, выбираться из своих убежищ, проявлять интерес к происходящим событиям. То реквизируют у них коробку сотовых телефонов, осуществляющих каким-то образом связь (делают вид: не наше, ничего не знаем, под крыльцом валялось), то нарушителей поймают у закрытого объекта (и снова изумленные лица – грибы, мол, соби-

раем, насыльник; ага, весной). Намедни «смежники» провели облаву в отдаленной общине. Всплыла информация, что «популяция» китайцев загадочным образом пополняется. Образовались «лишние» две дюжины душ. Тропы в Каратай закрыты, муха не проскочит – нашли лазейку? И чего хотят? Жизнь в Каратае, прямо скажем, не сахар. И ведут-то себя смиренно, кланяются, виновато шуряются – мол, никак нет, начальник, мы все те же, ты еще раз пересчитай. И суют подношения – китайскую рисовую водку, порошки для потенции, черную икру. Как не вспомнить мудрого Дэн Сяопина: «Китай должен скрывать свои возможности, ждать своего часа и всегда оставаться в тени...»

Хрустнул гравий. Я среагировал оперативно – выхватил пистолет, подался вбок, едва не раздавив коробку с трансмиссией. Кто их знает, начнут палить в «лобовик»... Но было тихо. Я всматривался в черноту. Степан решил поразвлечься, в привидение поиграть? Убью этого фрика! По-моему, кусты шевельнулись... Какого хрена?! Ведь тут повсюду охрана!

– Михаил Андреевич, это я... – сдавленно донеслось с улицы. – Плюгач...

Твою дивизию! А ведь однажды меня могут подловить в собственном доме... За окном колыхалась нечеткая тень. Я активировал стеклоподъемник, и тень обрела очертания. Перед машиной мялся мой информатор по фамилии Плюгач, вполне соответствующей его внутренней сути.

– Другого места не нашел? – ворчливо бросил я. – И долго тут торчишь?

– Да нет, не очень долго, Михаил Андреевич. Со склона ваш участок как на ладони, видно, что машины нет... А где бы я вас еще нашел? Вы же теперь неуловимы – то здесь, то там. А по «сотке» связываться неудобно – ее же прослушивают...

Ох, боялся мой информатор, что люди узнают, что он стучит местному следователю...

– Ладно, садись в машину.

– Спасибо, Михаил Андреевич, я и тут постою. Спокойнее как-то. Скажу пару слов – и доброго сна...

Плюгач был десятником в местной каталажке. Не в той, что «Алькатрас» в долине Черного Камня, а в нашем Мерзлом Ключе. В некотором роде КПЗ, где содержались арестованные по подозрению в преступлениях против режима. Все логично и удобно – «рабочий материал» должен быть под рукой. Каталажка размещалась в бетонном кубе между двумя скалами, и с высоты птичьего полета вполне могла сойти за третью. Плюгач командовал отделением вертухаев в зоне, где содержались арестанты, не представляющие чрезмерной важности. Долго рассказывать, чем я его прикормил и на каком компромате он у меня завис. Коротко так – до «приземления» в Каратае он служил надзирателем в тюрьме, откуда был уволен с формулировкой «за чрезмерную жестокость по отношению к заключенным» (это как же надо отличаться...). Но я навел справки, выяснил, что уволили Плюгача за другое. Польстился на энную сумму, и однажды в его смену в камере был найден повешенным некий заморыш, оказавшийся на поверку подсадной уткой. Самое скверное заключалось в том, что «утка» была не местного уголовного разлива, а просто косила под него, – сотрудник органов с блестящим знанием «языка», блатных обычаев и выдающимися театральными способностями. Доказать причастность Плюгача не смогли, уволили с вышеназванной формулировкой – его она вполне устраивала. Больше всего на свете – даже здесь, в Каратае, – Плюгач боялся, что вскроется правда о той истории в городском ИВС города Новокузнецка...

– Излагай, – разрешил я.

– Ага... – Стукач завертел головой, приблизился, одарив меня запахом гнилостных «испарений», понизил прокуренный голос. – Вы тут, того... слышал, лажанулись неслабо? Ну, с Гульштерном и вторым... забыл, как там его?

Ага, забыл он, конечно. Я молчал. У моего стукача помимо явственных недостатков, о которых лучше молчать перед сном, имелось потрясающее достоинство: он знал все. Через зону его влияния прокручивалось такое количество информации, что позавидовали бы «веду-

щие» аналитики Каратая. Он умел собирать ее, систематизировать, отбрасывать ненужную. Порой возникало ощущение, что на моего информатора трудятся его собственные информаторы, у которых тоже есть свои многочисленные источники.

– Вам же интересно, кто их грохнул?

– Ну, допустим.

Не сказать, что я сильно возбудился от такого заезда. Разработку Гульштерна и компании я действительно считал тупиковым направлением, хотя и не исключал, что на данном пути может вылезти что-нибудь интересное.

– Сегодня привезли одного парня из Торгучака... вы же знаете, Михаил Андреевич, где Торгучак?

– Знаю. Дальше.

– Ага... Он старосте кайлом лобешник расквасил – не поделили чего-то... ну, рядовая бытовуха, могли бы и не брать. Но раз взяли, привезли – надо работать с материалом; как-никак представителя власти обидел... Так вот, с утра он еще не поцапался со старостой, возился на опушке – у него там собственное подполье, бревнами прикрытое, вот в него он что-то и набивал... Засек мужика, выходящего из леса, – бледный, с пистолетом, отдышался, позвонил кому-то. Все, мол, говорит, с обоими разобрался, тип-топ, ложусь на дно. На том конце, видать, спросили, где он. Тот и ответил: подхожу к Торгучаку, есть тут хата непаленая, отсижусь денек-другой. А уж потом вытаскивайте меня отсюда. Сунул пистолюгу за пояс и потопал к околице. Мой источник проследил – скрылся в доме Агрофея Пырьева, это третья изба от околицы, если со стороны Гнилой балки смотреть... Вот и подумал я, Михаил Андреевич, – как там у вас в сводках? Не убивали больше никакую парочку в наших краях?

– Да вроде нет... А с какого перепугу твой источник вдруг эту историю слил?

– А чего тут странного? – Плюгач вполне непринужденно пожал плечами. – Парнишка испуган до колик, жил себе и не помышлял, что на киче окажется. Из-за этого подполья, что его мать, старуха полусумасшедшая, заставила вырыть, он и поцапался со старостой. Тот в лес пошел, чуть не провалился, осерчал, давай парня тумачами награждать; тот терпел, а после осерчал в ответку, схватился за кайло, да как звезданет... А сейчас он волком воет, просит отпустить его, мол, сами со старостой полюбовно разберутся; рассказывает все, что может оказаться полезным... Думаете, он только про гостя Агрофея Пырьева рассказал? Он и лесника Волочая сдал, который беглого каторжника в прошлом месяце призрел, и двух сельчан, затыривших «АК-74» и ящик гранат – типа, рыбу глушить. Поет, как птица Сиринов, заслушаешься...

– Это все, Плюгач?

– Маловато, Михаил Андреевич? – Зубы у Плюгача не блестели, нечему там блестеть, но я видел в темноте, как он скалится.

– Да нет, хорошо, спасибо. Проработаем твою информацию. Только в следующий раз не выскакивай, как леший из кустов, а то ведь можно и пулю в лоб...

– Испугались, Михаил Андреевич?

Информатор подленько хихикнул и растворился в зарослях акации и магнолии. А я сидел в каком-то деревянном отупении. Черта с два я поеду работать этой ночью! Усталость – девка вредная. Небольшой отдых, а там посмотрим. Фраза «отсижусь денек-другой» именно то и подразумевает – отсидеться денек-другой. Да и Анята, поди, заждалась...

Я начал с кряхтением вытаскивать себя из салона.

* * *

Моя благоверная, с которой мы так и не расписались (в Каратае почему-то не записывают акты гражданского состояния), действительно... заждалась. Я открыл дверь и чуть не оглох. Гремела самая ужасная музыка, какую только можно представить, – неубиваемая российская

попса. Моя бы воля, всех бы «корифеев» жанра сослал на строительство тайного «ЗКП» в Лягушачью долину! Герметичность наших окон и дверей заслуживала похвал – с улицы я ничего такого не слышал. В просторной кухне, совмещенной с прихожей, царил ужасный кавардак. В общем, не новость – Анюта стабильно поддерживала беспорядок в доме. Но сегодня они со Степаном еще и нализались до зеленых соплей. Плясали огни старинной цветомузыки. И зачем я, спрашивается, под Новый год приволок ее со свалки? На полу валялись какие-то подушки, перевернутые табуретки, разбитые блюда. На кухонной стойке, среди груды объедков и относительно нетронутой еды, – две бутылки виски: одна пустая, в другой едва на дне. Стаканов не было – пили из горлышка. Поз звуки «музыки» извивалась моя «блистательная» – в обтягивающем платышке без верха и низа, растрепанная, с боевой раскраской из потекшей туши, пьянущая в три авиапочты. За стойкой подпрыгивал и подпевал исполнителю коротышка Степан. Я видел лишь его подсакивающую голову – словно мячик прыгал по стойке. Звезда театра лилипутов, блин. Ладно хоть в обнимку не танцевали. Или... я поздно пришел?

– Д-давай д-допьем, Степашка, – выбралась из танца и, пошатываясь, заструилась к стойке Анюта, – а то с-скоро... этот... как его... п-придет... б-будет тут авторитетом т-трясти, орать, к-как ненормальный...

О, где мои таблетки от бешенства...

– Д-давайте, Анна Д-дмитриевна! – радостно подпрыгивал Степан. – Эх, хорошо мы с вами с-сегодня оторвались! Когда еще п-получится?

Да теперь уж, наверное, никогда. Настало время суровых репрессивных мер. Я решительно направился к выключателю, активировал свет, выключил музыкальный центр, метнулся, перехватив бутылку, содержимое которой Анюта уже намеревалась перегрузить себе в горло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.